

Б о р и с   Г а н к и н

О Д У В А Н Ч И К О В О Й   П О Р О Й

С т и х и

Минск-Анн Арбор

2005

ОДУВАНЧИКОВАЯ ПОРА

Вместо пролога

Весна.. Одуванчиковая пора: все поляны залиты, как солнышком, желтоцветьем одуванчиков. Я—еще малыш, в Гомельском парке, бегу по поляне и бежит со мной рядом моя молодая, веселая, сероглазая мама.

Война. Отец на фронте, мы с мамой—на Урале, в холодном и голодном Кургане. Редкий мамин свободный день. Мама собирает во дворе одуванчики и после угощает меня салатом, уверяя меня, что буду я самый сильный и здоровый... Одуванчиковая пора.

Лето. Одуванчиковая пора. В нашем дворе на маленькой минской улице Шорной, у сараев, одуванчики стали серебристыми —и летит их пух, а мы с другом Леней укладываем на козлы березовый ствол—пилим дрова. Мне уже двенадцать, я смотрю на белые опилки и белый пух, и все в разрушенном послевоенном Минске внезапно становится светлым и радостным. Мама сидит на скамеечке, на руках у нее моя сестричка, папа— пока еще в гимнастерке—ушел на работу...

Осень. Одуванчиковая пора. Все перемешалось в Мичигане. Еще желтеют цветы, и еще летит легкий седой пух, который попадает в мои седые волосы и уже неотличим от них. Я вспоминаю внезапно весну и лето, все, что было—и понимаю: всю мою жизнь неистребимые одуванчики заливали мир желтым своим светом и посылали в полет новые серебряные семена. Я шел по одуванчиковым лугам с любимой, поднимался к горным вершинам вместе с цветами, приставал на байдарке к одуванчиковому берегу...

Цветы не истребит зима. Они пребудут всегда, как пребудет всегда жизнь.

Одуванчиковая пора...

Х

Х

Одуванчиковой порой,
серебристым веселым маем,
самой старой на свете игрой
мы сердца свои занимаем:
тень и солнце переберем,
душу заново мы проветрим,
наше прошлое перетряхнем,
удерем из далекого ретро.
Станем нынешними на час.
Будем с юностью соревноваться
и веселым разливом глаз,
и умением вслух смеяться...

НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ

X

X

Какой невидимую связью
соединен я до конца
с тех малых улиц сложной вязью,
где мамы тень и тень отца?

Там март чертил по снегу резко,
используя и свет, и тень,
там рядом с кладбищем еврейским
цвела роскошная сирень.

И, на другом конце планеты,
я вспоминаю плеск воды
и отраженья силуэтов
Немиги или Слободы.

Не ностальгирую.

Но все же
порою возвращаюсь вновь
туда, где память растревожит
и сердце озарит любовь,
где счастлив был,
несчастен --тоже,
где был мой дом, шумел мой двор,
где что-то от меня, похоже,
живет незримо до сих пор...

X

X

На балконе,
где мама любила сидеть
и на улицу нашу тихонько смотреть,
отогревшись на солнышке летнем,
нынче тара пустая проходим видна
из-под пива, Столичной, сухого вина—
там иные порядки заметны.

Жил я тут до отъезда в другую страну.
Трогал пальцами сын мой тугую струну –
песня добрая в доме звучала...

А сейчас я с печалью смотрю на балкон,
где бутылки блестят...

И причудливый звон
отзывается сердцу устало...

X

X

Отомрет незаметное случайное,
настоящее—с нами всегда,
овладеют волшебною тайною—
знаньем истины—
наши года.

Солонееет, что было нам сладостью.
Стала ненависть шагом к любви...

На уроках невзгоды и радости
обретаем мы знанья свои.

Х

Х

То Иван-чай.
То Иван-да- Марья.
А чаще всего—зверобой и чабрец.

Под солнцем качается разнотравье –
лекарство старых усталых сердец.

Вглядишься.
Внюхнешься.
Влюбленно
вспомнишь наднеманские леса,
где светились, юные, изумленно
твои василькового цвета глаза.

А мои были густого цвета
чабрецовых сладко-пахучих чаев.
И было в разгаре тогда лето –
зенит наших счастливых часов.

Вот и сейчас,
на другой планете,
за иным горизонтом,
в иной стране,
наткнулся снова на разноцветье –
и молодо задышалось мне.

Луга обошел.
Леса обшарил.
Чай для нас заварил, наконец.

И цветут Иван-чай,
Иван-да-Марья,
а чаще всего – зверобой и чабрец.

Х

Х

Был наварист борщ воскресного дня,--
и в наваре душистом этом
солнце ошпаривало меня
на пляже веселым летом,
омывала тело мое вода,
грибы подбегали под ноги,
и был я открыт для друзей, как всегда,
и был сам к себе строгим...

Я думал:

« За что мне себя любить,
старого лежебоку?...
Кто может сказать, что успеет сварить
наваристый борщ к сроку?
И где, когда он – тот самый срок?
Успеешь ли?
Не успеешь?...»

День безделья давал мне урок:
живи, дружок, как умеешь.
Расслабься на миг.
Посмотри кругом,
отвлекись-ка травой забвенья,
насладись-ка наваристым этим борщом –
воскресного дня угощеньем...

ЯСНОЕ УТРО СЕНТЯБРЯ

Спицей солнечных лучей
связан полог небе синий,
утренний хрустальный иней,
стаяка тающих грачей.
В необычном макраме
вырисованы искусно
рос серебрянные бусы,
райских яблок карамель.
Я, влюбленно восхищен
каждой ниточкой в той вязи,
молча постою под вязом,
спрячусь в тень под красный клен.
Тянутся за лес столбы,
озеро сверкает ярко...
Кажется, иных подарков
и не надо от судьбы...

Х

Х

Час раздумья пред ликом светил...
Так веками стояли поэты.
Строки к звездам летели при этом,
наливались таинственным светом,
опускались на землю, и где-то
набирались таинственных сил...
Нет, не колосом звонкого лета –
только строчкой ты мир одарил.
Вот строка пролетела вдали,
и погасла, как молнии вспышка.
Вспыхнут новые без передышки:
то влюбленные в звезды мальчишки
от созвездий зажечь их смогли,
и – страницами будущей книжки –
бросить к небу от грешной земли.

Х

Х

Когда снега идут бесшумно
и все занесено—пришла
пора чаев,
беседы умной
и яблок в вазе из стекла.

Пришла пора вина в бокалах,
и маринованных грибков,
в камине—праздничных и алых,
уютно-жарких огоньков.

Пришла пора под белым небом
по белому торить свой след,
скользить на лыжах в быль и небыль
далеких дней,
неблизких лет...

Пришла пора ловить губами
снежинки, вспоминая дни,
когда тенистыми путями
мы шли..

И были мы одни,
и были счастливы,
согреты,
обласканы веселым летом,
и юность нас вела бездумно —
а так находчиво вела! —
и не было снегов бесшумных:
пора цветения была...

Х

Х

Вдруг вспомнилось: скамеечка,
сосед по дому Сенечка,
на класса три постарше нас.

Смешная чепуха:
любили Сеню девочки,
а Сеня лузгал семечки,
и на губах у Сенечки
чернела шелуха.

Завидовал я Сенечке:
небрежно на скамеечке
сидел он,
снисходительно кивая иногда.

Ну, а во мне, конечно же,
бродили соки грешные
и девочки нездешними
казались мне тогда...

З Е М Л Я

Земля, так много бед познавшая,
так много солнца растерявшая,
земля, не знающая сна,
когда на ней шумит весна,
земля, где осень ежечасно
щедра, богата и прекрасна,
земля, где даже нагота,
когда листва отшелестела,
так целомудрено чиста,
как женщины любимой тело...

X

X

Подарили мне солнце весной,
развернули мне над колыбелью
звездный полог с веселой луной,
свет цветущей акации белой.

В майский час, появившись на свет –
это мама моя говорила –
закричал я счастливо:
--Привет!--
с изумленной и радостной силой.

Полюбил восхищенно с тех пор
солнце мая и майские зори,
и садов наших белый костер,
и леса, и поля, и озера.

Как бы трудно ни выпало жить,
улыбаюсь я маю беспечно,
продолжая всем сердцем любить
звездный полог акации вечной.

ВОСПОМИНАНИЕ

Мороз набросил белую тужурку
на ледяное хрупкое стекло,
но жарко накаляется "буржуйка"
и дарит нам недолгое тепло.
Коптит фитиль неярко и тоскливо...
А мама каждый вечер без конца
читает вдохновенно и счастливо
мне письма с фронта --
письма от отца.

...Я очень часто вспоминаю это,
и каждый раз тому я счастлив вновь,
что путь мне осветила добрым светом
с тех дней отца и матери любовь.

Х

Х

Я усвоил от самой зыбки:
в этом мире, огромном и зыбком,
постоянства совсем немного.
Мною пройденная дорога,
словно карты, вмиг тасовала
зло—с добром,
а конец—с началом.
То, что днем мне казалось прочным,
разлеталось на части ночью,
то, что ночью вечным казалось,
днем в минутную боль обращалось.
Но всегда оставалось счастьем
человеческое участие.

ВЕСНА. 1942 ГОД

Не то, что лебеда – еда
была для нас одна тогда ,
а то, что лучше лебеды
в то время не было еды.

И жизнь не оттого плоха,
что на один укус-- жмыха,
а тем, что и жмыхи нам тут
уже не каждый день дают.

Но хуже голода, поверь—
то ожидание потерь,
и почтальона, что теперь
опять твою минует дверь,
и письма не пришли опять,
и вновь нам надо писем ждать
оттуда,
где с утра до ночи,
а ночью тоже, между прочим,
до солнца
пушкам грохотать –
там в папу целят.
И снаряд,
и пули в грудь его летят...

КАРТОШКА

В поле, ветренном и голом,
за рекою за Тоболом,
переплыв Тобол на лодке,
мы на выделенных сотках,
перекопанных лопатой,
теплых,
    мокрых,
        кочковатых,
садим раннюю картошку.

Дождик моросит немножко.
Каждый клубень аккуратно
разрезаем на куски.
Быть должны в куске, понятно,
почки -- белые "глазки".
Мама говорит, что надо
тем ученым дать награду,
кто научно доказал,
что достаточно куска,
чтоб из каждого глазка
куст картошки выросал.
Как иначе обойдешся?
Где тут клубней напасешься?
Мы и так уж три недели
лишь жмыхи да семки ели...

Режем клубни на куски
и землей их присыпаем
словно близких мы теряем
у Тобола,
у реки.

УШЛА ВОЙНА

9 мая 1945 года папа привез меня и маму
в военный городок, куда был направлен
после госпиталя до полного выздоровления

Я голопузым пацаном
плясал под майскими дождями,
когда война ушла!

Над нами,
над городком и над лесами,
ворчал негромко добрый гром.

Все было радостно и ново:
и папа—рядом,
и вокруг—
не хмурость многих лиц суровых,
и не насупленные брови,
а доброта улыбок вдруг.
И ожиданье перемены –
какой? – я сам не сознавал.

Но как я весело плясал,
как ливень весело хлестал,
как кровь моя бурлила в венах!

А мама с папой из окна
на танец дикий мой глядели.
Качались над землянкой ели.
И я кричал.
И ели пели.
И гром гремел.

Ушла война!

И Р К А

Ирку "санитаркой" назначали.
И ползла под "пулями" она,
ничего вокруг не замечая,
сострадания к "раненым" полна.
На боку у "санитарки" сумка,
две косички по земле ползут.
Только упадешь на землю в шутку --
маленькая Ирка тут как тут.
Перевяжет грязными бинтами --
то не грязь, конечно, кровь видна!
Йодом смажет ссадины и раны,
вытащит любого из "огня".
В Ирку все, наверное, влюблялись,
потому, что старше становясь,
ранеными чаще притворялись,
чаще каждый с криком падал в грязь.
Раздирая на чулочках дырки,
сострадания к "раненым" полна,
потная, взъерошенная Ирка --
ничего не видела она!
Так играла, словно в самом деле
умирали все мы в этот час,
словно канонады и метели
в самом деле рушились на нас.
Черными обвязаны бинтами,
Уходили мы от Ирки в "бой",
имя этой девочки, как знамя,
как надежду, унося с собой.

...А потом квартиру Ирке дали,
со двора уехала она.
Больше мы "боев" не затевали:
во дворе окончилась "война".
Дождь ли шел, иль в окна солнце лилось,
иль метели плакали во мгле --
долго "санитарка" Ирка снилась --
две косички тонких по земле...

ПОСЛЕВОЕННЫЙ «КОММУНИЗМ»

На Шорной, где топкая грязь,
где лужи и не просыхали,
был дом за зеленым забором:
какой-то начальник там жил.
Топтун у калитки.
Асфальт.
Машины к воротам сновали.
И пахло едою такой,
что нас пробирало до жил...

Теперь, через тысячу лет,
зачем вспоминать мне об этом
и думать зачем обо всем?...

Но память доселе хранит:
голодный холодный барак,
ни водопровода,
ни света,
у булочной — очередь,
и — топтун у калитки стоит...

Примечание:

Какой-то большой начальник в то время жил
на нашей Шорной улице, и узкая полоска
асфальта вела к высоким зеленым воротам
его дома...

Вся остальная улица утопала в грязи.

К О В Р Ы

На базаре -- клеенки блестящие:
удивительные ковры --
немнущиеся,
хрустящие:
солнце и склон горы,
а под горою -- озеро,
лебеди на волне,
девушка -- личико розовое --
улыбается мне.
Однорукий,
в шинели, парень:
" Покупайте ковры!" -- орет.
И жалуется:
" На базаре
никто ковров не берет..."

До костей пробирает стужа.
Парень совсем хрипит.
Замерзло озеро тут же:
тонкий ледок блестит.
" Мать, гляди:
не ковер -- диво!
Всего за сотню отдам!.."
Мне подмигнул счастливо:
можно мол по домам.
Иду по снежку хрустящему.

...А ночью вижу во сне:
из-за горы блестящее
солнце спешит ко мне.
Нет развалин.
Дома и озеро.
Лебедь белыми крыльями бьет.
Девушка -- личико розовое --
с одноруким
в кино идет...

Х

Х

Казалось, нет места живого
на послевоенной земле.
Смолою стекала тревога
из ран на побитом стволе.

И поле дышало печалью,
и в небо взлетел первый плуг,
когда остроточенной сталью
на мину наткнулся он вдруг.

Казалось в развалинах ветер
навек приютился тогда,
а если что вечно на свете --
то это людская беда.

Но листья из почек пробились,
погибли не все зелены,
окошки землянок светились
и школа росла для меня.

Х

Х

И рай, и ад проходят люди –
и крепче держатся потом
за землю, где их путь так труден,
где их руками срублен дом.

И я твержу:
-- Да будет солнце!
Да хватит мужества в пути
и рай, и ад, коль доведется,
мне без отчаянья пройти!

Х

Х

В Минске, обескровленном и нищем,
до конца ограбленном войной,
ветер над развалинами свищет,
плачет от рассвета надо мной.
Но опять сирень цветет роскошно,
а под зиму щедро, не таясь,
золотом расшитый свой кокошник
осень, хохоча, швыряет в грязь.
И от этой щедрости, возможно,
вера появляется в душе:
в Минске, обескровленном, тревожном,
что-то изменяется уже,
что-то ломается однажды,
чудо на земле произойдет,
и счастливый день всех нас однажды
к счастью, наконец-то, приведет.

Х

Х

Когда шли танки на Восток
от западной границы,
испуганно завял цветок,
и замолчали птицы.
Когда на Запад танки шли,
опять молчали птицы,
и вяли вмиг цветы в пыли
до западной границы.
И было всякому видать,
что никогда природа
не в силах ненависть принять
воюющих народов.
Лишь после, в робкой тишине
и в золоте заката,
запели звонко птицы мне,
как пели всем когда-то...

Х

Х

Была коса.
Глаза блестели.
А белозубая улыбка
без промаха разила цели:
мы, восьмиклассники, балдели
и делали тогда ошибки
такие, что учителя
за головы хватались только...
Была коса.
Была девчонка.
Была весенняя земля.
И небо весело синело.
И все вокруг цвело и пело.
Одна на класс она была.
Шагала весело, с приплясом.

Что стало с нашим дружным классом?!...

А ничего.
Она ушла:
одной, наверно, трудно быть
в толпе восторженных мальчишек.
Спустив давления излишек,
мы успокоились:
конечно, все это надо бы забыть.
И класс мужской стал снова строгим,
стал дружным, как всегда он был.
Класс подтянулся.
На дорогу
далекую он понемногу
не без ошибок выходил.

Потом не раз на наших встречах
мы вспоминали вновь и вновь
косу, глаза, улыбку, плечи,
весенний вдохновенный вечер
и нашу первую любовь.

ГРЕШНЫЕ СНЫ ЮНОСТИ

Ложбинка вдоль спины.
Что ниже – не видать...

Когда бы знала мать,
какие снились сны
в четырнадцать моих!

Никто не знал о том.

Лишь лето за окном
да самый первый стих...

А утром лагерь наш
вожатый вел опять
на берег – загорать:
там был песчаный пляж.
Чуть выше по реке
там мельница была,
вся в пузырях, плыла
вода...

Невдалеке
девчонка:
синь-глаза,
ложбинка -- по спине...

И сны, что снились мне,
уже забыть нельзя...

Х

Х

Когда становилось светло от луны,
я с книгой поближе к окошку садился,
читал,
горевал,
хохотал и сердился,
мне были страницы – как сладкие сны.

Потом уходила куда-то луна.
Барак в темноту до утра погружался.
А я на топчан не спеша возвращался,
и долго лежал в темноте я без сна...

С тех пор неуютных,
от самой войны,
с барака,
с голодного трудного детства,
я книги люблю,
для меня они -- средство
увидеть счастливые светлые сны,
где тонкая вязь из узорчатых фраз,
где в лунном сиянье читать мне не трудно,
где строчки несли меня странно, и чудно
на крыльях фантазии детской не раз...

X

X

От ушанки, набитой тряпками
и зашитой в условный мяч,
начинало мое поколение
путь к футбольным страстям своим.
От землицы, взъерошенной тляками,
неподатливой – хоть ты плачь!—
вырабатывалось терпение,
на котором и нынче стоим.

Жили бедно. Трудились истово.
Те, кто сверху, давили нас заново.
Что-то строили. Что-то рушили.
Находили. Теряли опять.
И болели за футболистов мы,
и самих мы себя обманами
да потешками вечно тешили,
чтобы все-таки устоять...

X

X

А что я помню?
Сладкий вкус жмыхов.
И черный репродуктор.
И коптилку,
где фитилька серебряная жилка.
И письма с фронта.
Изо всех грехов,
которые потом я совершил,
забывчивость –
не мой, на счастье, грех.
Еще что помню?
Очень многих тех,
кого уж нет, кого всегда любил...

ПАМЯТНИК УБИЕННЫМ ЕВРЕЯМ
МЕСТЕЧКА ШЕДРИН

Что от бабушки осталось?
Фотография в альбоме.
Да рассказы, как фашисты убивали на снегу.

Что от тетушек осталось?
Даже облик незнаком мне.
Лишь рассказ отца короткий--
все, что вспомнить я могу...

Но на жизнь в душе засело,
как колючие осколки,
то немного,
что слышал, что случайно я узнал.

Скромный обелиск под небом.
Голос ветра в поле, ломкий.
Трактор в поле:
в этот день он поле вечное пахал.

Я блуждаю по местечку.
Возле старенького дома
я стою—и голос слышу.
Отражение в реке.

Что от бабушки осталось?
Фотография в альбоме.
Тень от облачка.
Да стрелка обелиска вдалеке...

НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ – ТИШИНА

На Площади Победы—тишина.
Спит Минск.
Мерцают грани обелиска.
Стою один у Вечного огня.
Ложится снег на бронзовые листья,
и в свете голубых прожекторов
на барельефе оживают люди...

Мне кажется порою: у костров
внезапная тревога всех нас будит.
Мне тридцать. С ними быть я не успел.
Но помню, как от станции уральской
составы шли. Звонящая метель
кружилась на перроне в дикой пляске.
Отец прижался к поручням стальным.
Поют солдаты. И состав грохочет.
И тихо мама шепчет:
– Будь живым!
Но вьюга зло и бешено хохочет.

Повсюду, где потом бы ни бывал—
в Москве и Бресте, Киеве и Минске—
меня щемящий холод обнимал
у скромных красноезвездных обелисков.
Как будто смертоносный тот свинец,
который взяли на себя солдаты,
вошел занозой в ткань живых сердец,
как боль от ран, как след войны проклятой.
Хранит в себе ту боль моя страна.
И каждая семья скорбит о близких.

На Площади Победы—тишина.
Спит Минск.
Мерцают грани обелиска...

1966 год

НА БЕРЕЗИНЕ

Прекрасен мир,
в котором ароматом
одаривают нас чабрец и мята,
в котором спеет солнце,
чтоб загнать
ночные тени в омуты речные.
Тут есть что находить и познавать,
тут ластятся ветра к нам, как ручные,
тут лес, как рай, открыт любой душе --
была б душа чиста и непорочна...

И вдруг --тень смерти в старом блиндаже,
бетонным телом вросшим в берег прочно.

ДОВОЕННОЕ ФОТО

Довоенное фото семьи:
юный папа, как девочка, мама,
незнакомые дяди мои
смотрят в нас напряженно и прямо.
Улыбается ласково дед...
А меня—удивительно!—нет.

Довоенное фото... Оно
просто чудом от бед спасено.
Те, кто сняты, пропали во мгле:
кто—в огне, кто—в воде, кто—в земле...

Смотрят дети и внуки мои
довоенное фото семьи.

Х

Х

В эпоху юных безрассудств,
нелимитированных чувств
и постиженья истин вечных,
мгновенно запылать я мог
от молний глаз,
от стройных ног
и от нестройных ног, конечно...

Неудержимость юных лет!
Причина радостей и бед,
незабываемых с годами...

Сейчас рассудок – паразит
в нас все порывы тормозит
и властвует, увы, над нами.

Но, вопреки ему, опять
люблю по улицам блуждать,
искать, чего и сам не знаю,
эпоху юных безрассудств,
нелимитированных чувств
с улыбкой доброй вспоминаю.

Х

Х

Красной точкой в голубую тень
птица--кардинал влетит мгновенно.

Как бы дальше ни сложился день,
а весна уже струится в венах,
наполняет свежестью меня
в середине мартовского дня,
заставляет под капли звон
грудью глубоко вдыхать озон...

Х

Х

Дано и мне ее руки коснуться,
Тепло руки всем сердцем ощутить.
Вдруг вспыхнуть.
Виновато улыбнуться
от дерзостной мечты:
счастливым быть...

МОЛОДОСТЬ

Был свободен, словно песня,
весело душе леталось,
а лицо мое чудесно
в ливень солнца погружалось.

Все крутилось и светилось,
мир был весел и понятен,
слово строчкой обратилось,
строчка—солнышком без пятен.

И ходили хороводом
дни мои на всех лужайках,
песней,
строчками,
свободой,
девушкой в короткой майке...

МАЙСКИЕ САДЫ

В пене садов отстирается все:
чистой предстанет земля на рассвете,
катится весело дня колесо
по омоложенной маем планете.

Ветер, играючи, пену взобьет,
листья и душу взъерошит он быстро.
Молодость весело в гости зайдет.
Память из прошлого высечет искры.

Радуюсь жаркому чудо-огню,
радуюсь солнечному обновленью,
зимнюю тяжесть годов отгоню
прочь по души молодому веленью.

И – с головою в шелест лесов,
в этот отмытый и ласковый ветер!...

В пене садов отстирается все.
Чистой предстанет земля на рассвете.

Х

Х

И станет слово откровеньем,
и будет заново воспето
неповторимое мгновенье
извечно юного рассвета.

Х

Х

Тюльпановое дерево вот-вот
под солнышком апреля расцветет,
и белые огромные цветы
распустятся под синевой небес,
нашептывая всем нам с высоты,
что счастье наше рядом, где-то здесь...

Тюльпановых деревьев правоту
я признаю всем сердцем и умом,
за птицами взлетаю в высоту,
и радуюсь, что мы еще – вдвоем,
что вместе мы,
и будет так, пока
тюльпановое дерево цветет,
пока цветы белы, как облака,
пока трава на всех лугах растет...

ВЕСЕННИЕ СТИХИ

Золотые сережки ольхи
сочетаются с зеленью листьев.

Дождь на листьях сверкает так чисто,
как порою сверкают стихи,
бесконечно рифмуя любовь,
чистоту отогретого неба,
свежий запах душистого хлеба
и сережек веселую новь.

Х

Х

Цветущий сад с утра дрожит:
холодный ветерок гуляет...

По тропке девочка бежит:
она подружку догоняет.
Они под яблоней уже
о чем-то весело щебечут.

И сразу делается легче
и веселее на душе:
я знаю--
ветру не сорвать
цветы,
а холодок не в силах
спугнуть девчонок этих милых
и щебет звонкий их прервать.

И точно:
разорвав заслон
из туч,
на сад упало солнце,
а ветер – хоть и не сдается –
но стал уже теплее он.

Весна!
Моя.
Еще одна.

И я, уже давно осенний,
ловлю и свет ее, и тени,
безмерно рад, что есть весна,
что я способен любоваться
цветами,
юностью чужой,
для женщины, любимой мной,
седым мальчишкой оставаться...

X

X

Снег тает на ресницах и губах...
Домашнее тепло обняло плечи.
Жизнь сразу стала радостней и легче
от доброго сияния в глазах.
Еще не раз мороз меня скует
в дороге ледяными кандалами.
Но дверь открою.
И в меня войдет
весна при встрече с милыми глазами...

X

X

Еще не очнулась природа
от долгой суровой зимы.
От жестких скрипучих морозов
еще не оттаяли мы.
Но что-то вокруг изменилось:
вдруг поголубели снега,
течение дней устремилось
в иные совсем берега.
И новые светлые песни
в прохладное утро взлетят,
скорлупки беспомощно треснут:
птенцы в них упорно стучат.

Х

Х

Самый темный лес—это ельник..
Самый светлый лес—березняк.

Март связал лучи в крепкий веник –
ветер шаркает здесь:
шарк! шарк!...--
и сметает снега в овраг...

Веселей ручьи-- меж березок,
а ленивей – меж елей текут.

Хоть под елями поморозней,
но задорно-- еще не розы –
а подснежники! – там растут.

И пралески уже звездятся,
обещая так много нам.

Голубые тени роятся,
и, вальсируя, суетятся
тут и там,
там и тут,
тут и там...

Г А Д А Н И Е

На ромашковых полянах
с милой по-утру гадал.
Лепесток ромашки плавно,
как снежинка, опадал.
Оцелованные губы,
утро -- ваза из стекла...
Выходило только:
--Любит!...
Но она потом ушла.

Отпечалился.
Другую
я однажды повстречал.
На ромашковом лугу я,
чуть волнуясь, вновь гадал.
Нецелованные губы.
Холодна роса—вода...
Получалось лишь:
--Погубит...

К счастью, рядом навсегда.

Х

Х

Вдоль тихих улиц, у дорог,
богато расцвели каштаны.
Май по-хозяйски их сберег
от холодов и от тумана.
От щедрых утренних лучей
набравшись сил, неярко светит
тепло каштановых свечей –
и все мы счастливы, как дети....

Л И П Е Н Ь

Любя медовый запах липы,
июль у нас назвали:
"Липень"...

Как метко сказано!

И вот
по липеню шагают люди,
и -- если даже путь их труден --
медовый ветер в лица бьет.

Навстречу ветру я иду.
Вдоль улиц липы --
                  все в цвету.
Их желтизна непостижима,
их аромат неповторим.

Люблю я липень.
Вместе с ним
и сам цвету неудержимо.

Мне каждый цвет
нектар несет --
да не всегда мне
сладок мед...

ПЕРВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

На окраине тихого августа,
в год, когда не задалось лето,
и была любимая где-то,
и текли недели без радости –
на опушке около осени
мне писалось легко и весело,
а под неба высокой просинью
осень проседь свою развесила...

В лето то, мальчишка восторженный,
полюбивший впервые отчаянно,
вдруг осмыслил, как много вложено
в строчки сердца, надежд и чаяний...

А еще осознал навечно я,
что стихи без души не пишутся,
и должны мои строчки сердечные
тем дышать,
чем сегодня дышится...

Х

Х

Упасть во мхи. Сквозь ветки елей
смотреть в отмытый небосвод.
Почувствовать, как еле-еле
осеннее тепло плывет,
как над последней паутиной,
над иглицей, над синевой,
над тонкой красною рябиной,
над поседевшей головой,
над всей лесной шуршащей ширью,
над ягодой-брусникой вновь
поет невидимая миру
моя весенняя любовь.

Х

Х

Ты скажешь:
-“Нет!”,
как говорила
вчера лишь:
--“Да!”

Потом уйдешь...

Ты в “Нет!” и в “Да!” всегда хранила
неумиряющую ложь.

Все делалось на всякий случай,
чтоб выход был из тупика.
И “Да!” давало средство мучить,
и “Нет!” мучительно пока.

Когда – нибудь привыкну, может,
и обещаний череда
меня уже не расстревожит
суровым “Нет” и нежным “Да”.

И сам я, став безмерно хуже,
бесспорно приучаясь лгать,
скажу кому-то “Да!” на ужин,
чтоб по-утру все отрицать...

Х

Х

В сырой и горький молочай
осенние дожди стучатся.
А память к лету невзначай
вдруг начинает возвращаться.

Опять мне снится по ночам
толпы счастливое круженье
по перелескам,
по борам,
под шум листвы,
под птичье пенье.

Колодец,
где о сруб бадья
стучит дубовыми боками,
где пью, минуту погодя,
не воду -- молодость глотками.

Ночной костер
и дымный чай,
палатка,
звонкий юный ливень.

Сырой и горький молочай,
а поутру –
твой взгляд счастливый.

Х

Х

Покраснели клены.
В Мичигане –
самая прекрасная пора.
Ветер бесшабашно хулиганит –
листья рвет и вдаль несет с утра.
Пожелтели липы и березы,
темнобурым выкрасило дуб...
Но еще шумят, как летом, грозы,
на плите грибной доходит суп.
Несколько еще недель счастливых
или месяц, если повезет, --
и опять пора иных разливов,
белизны и холода придет.
И тогда поникну я, быть может,
в черно-белом мире головой
в грусть – тоске о красках всевозможных
и грибах под волглою листвой...

Х

Х

Год подарил и дереву и мне
еще одно счастливое колечко.
Шумит листва.
Течет под ивой речка.
Лесок поет от них чуть в стороне.
Порой приду сюда я по тропе,
под иву сяду и смотрю на воду,
и нахожу тут от сует свободу,
и благодарен за нее судьбе.
Но время утекает, как вода,
соединяясь в годы незаметно...
Еще одно кольцо ведет сюда,
где шум листвы --
и плеск воды ответный...

Х

Х

Под старой ивою на кладбище, где тени
всегда лежали в полдень на могилах,
мальчишки разговаривать любили
и спорить до-темна.

Переплетенье

тех споров, слов –
смешных, горячих, страстных, --
я помню до сих пор.

Наверно, место,
где собирались мы,
и где насестом

для нас, цыплят-юнцов, и это ясно,
был памятник какой-то, разогретый
лучами солнца и дыханьем лета--
наверно, это место вдохновляло
нас неосознанно на вечное:

отсюда

мы приходили к выводу, что мало –
понятия о том, что дружба – чудо,
что надо нам всегда ценить друг друга
и помогать друг другу тоже надо –
и мы клялись, что никакие вьюги
не раскидают нас – мы будем рядом!

Ах, первый же порыв ветров – и где вы,
мои друзья?!

Вас унесло далеко.

А все-таки я не был одиноким:

как в старом сундуке на самом днище,
так я воспоминанье спрятал в сердце
о старой иве, кладбище и детстве –
без них бы жил беднее я, чем нищий.

И в час, когда недостает покоя,
я достаю свои воспоминанья,
и словно прикасаюсь я рукою
к невидимой основе мирозданья.

X

X

Кому на поруки мы отданы были?
Тому, что всегда безоглядно любили—
веселым поющим весенним ручьям,
июньским лесам, листопадам осенним,
и чистым сверкающим белым снегам,
везенью в любви и ее невезенью...
Нам так повезло: поручители наши
любили нас верно днем светлым, вчерашним,
и нынче нас любят, и будут любить...
Поэтому нам так ходилось и пелось,
и силы хватало до звезд доходить,
и мирно на месте нигде не сиделось...

X

X

Извечная смена сезонов:
от завязи -- к спелым плодам,
от майских блужданий бессонных --
к ноябрьским раздумьям-мечтам.

Извечная смена окраски:
от зелени первых минут --
к тем дням, когда в желтом и красном
деревья стоят там и тут.

Таинственным было начало.
И вдруг наступила пора:
ясней и понятнее стало,
что было неясным с утра.

Рад ясности этой безмерно!
Но тянется сердце сильней
к мгновениям завязи первой,
к весенней надежде своей.

Ц А П Л Я

Выставив тонкие палочки—ноги,
цапля скользнула к воде – и встала.

А потом, неподвижная, долго—долго
она над блестящей водой стояла.

Подумалось как-то:
--Окаменела!
Стала, тонкая, изваяньем...

Но вдруг—
бросок головы к цели!

И вновь – неподвижность.
И вновь – молчанье...
И так часами.

И в этом цапля
что-то важное, видно, находит.

Блестит под солнцем на клюве капля.

Недвижима птица.

Жизнь уходит.

ОСЕННИЕ ПРАЗДНИКИ

Ах, еврейские столы!

Фаршированная щука
в красном соусе свеклы...
Вроде бы, проста наука:
делать цимес,
жарить латкес,
гоменташа спечь—да с маком...

...Мамы нет уж десять с гаком —
и не елось мне так сладко
с той поры,
хоть на столах —
все, что сердце пожелает.

Рук ее нам не хватает:
тайна — в маминых руках.

Светятся в меноре свечи.
Праздник светел и лучист.
Оплывает воском вечер.

Падает на землю лист...

X

X

На житейской волне укачает меня,
словно адреналином наполнятся вены...
Но случайный глоточек холодного дня –
и усталость моя испарится мгновенно.
Посмотрю, как рябину синица клюет,
как по снегу бредут вперевалочку утки,
ощущу как над холодом солнце плывет –
и усталость покажется детской шуткой.
Как чудно все устроено, черт побери:
мы как будто живем в заколдованном круге,
и не видим ни птичьей веселой игры,
ни деревьев, бредущих в метель друг за другом...

РИСУНОК НА ОКНЕ

Нарисовала девушка однажды
зеленых попугаев на окне.
Они летели по стеклу отважно
навстречу снегу, холоду и мне.

Я любовался ими в час метели –
а было это в юности, давно! –
и попугаи весело летели,
как будто в лето распахнув окно.

И с той поры я часто вспоминаю,
когда пишу в студеный день свой стих,
пять по стеклу летящих попугаев—
и девушку, рисующую их...

Х

Х

Как совершенен мир во всем:
цветок, листок, игла и шишка,
бегущий весело мальчишка,
олень, склоненный над ручьем –
все создавалось без изъяна,
на всем – могучий дар Творца...
Как из волшебного ларца,
достало утро из тумана
аллею кленов золотых,
сад с урожаем груш и яблок.
Вот одиноко цапля зябнет.
Вот гусь на берегу притих.
Подходит новая зима.
В свои права ноябрь вступает.
Душа чего-то ожидает,
чего—не знает и сама.
С утра я покидаю дом,
брожу с внучком по листопаду:
мне показать внучонку надо,
как совершенен мир во всем .

В Н У К

Когда освободился вдруг
от дел – и стал свободным, вроде,
запис я мигом на свободе...
Да выручил, на счастье, внук:
голубоглазый постреленок,
доверчивый и озорной,
мне улыбнувшийся спросонок,
играющий с утра со мной –
он даже не подозревает,
каким лекарством деду стал,
когда головку он прижал
ко мне--и сказки ожидает...

Х

Х

Дети сегодня кажутся старше
нас – их дедушек или бабушек,
хоть детство их не сравнится с нашим,
в котором игрушками разве что ладушки...

У детей сегодняшних -- компьютеры,
телевизоры и все прочее.
В пять лет им известно все, как будто,
а в десять – способны они на пророчества.

Что им Бабы Яги, Емели,
Золушки, Колобки, Волки?
Они настолько уже обнаглели,
что звезды их не волнуют нисколько!

А я смотрю на них, всезнающих,
ответа не находя, как видно:
что лучше – общность детей, во дворах играющих,
иль одиночество вундеркиндов?

Х

Х

Мне жаль детей, которые не знают
веселых игр в проветренных дворах,
друзей, кто их –
за совесть, не за страх! –
от недругов, коль надо, защищают.
У них есть все.
Они не знают бед,
войны, лишений, голода, скитаний...

И лишь дворов у них сегодня нет.
И нет с друзьями встреч и расставаний.

Х

Х

Вот и Петя следом за Володей,
а Володя – вслед за Мишей...

Где-то
топчется бессильно наше лето,
а весну и не припомню, вроде...

Одноклассники мои, ребята,
отчего так рано вы ушли?

Достаю я фото, что когда-то,
в миг упругой молодой земли,
сделал нам фотограф на крыльце
школьного барака.

И считаю:
этот—жив...
про этого—не знаю...
чудная улыбка на лице...

Милый мне десятый «А»,
где ты?

По земле нас жизнь пораскидала.
Встреч нам выпадало очень мало
посреди житейской суеты.

А теперь лишь телефон нас сводит,
через океан бросая вдруг:
--Вот и Петя следом за Володей...

А казался неразрывным круг.

Х

Х

Не успел на помощь я ко многим—
тем, кому хотелось бы помочь:
отвлекали мелочи в дороге,
видеть правду помешала ночь.
А теперь, когда уже не нужно
помогать—
как резь в душе моей
боль, что я не заслужил их дружбы,
хоть и был всегда среди друзей.
Если бы сегодняшним уменьем
обладал в те прежние года,
больше бы я сделал, без сомненья,
для друзей, чем делал я тогда.
Не умел и не успел.
И где-то
голоса их, руки, добрый смех
канули, как говорится, в Лету,
и уже не исправим мой грех.

Х

Х

Много друзей—это много свиданий,
много любви, много споров и ссор.
Много друзей—это много прощаний,
каждое раной болит до сих пор...
Лица родные я перебираю,
снова ищу мной потерянный взгляд,
снова, как четками, днями играю,
вдаль ухожу, возвращаюсь назад.
В поздние годы на раннем рассвете
вновь улыбаюсь бесстрашно друзьям:
наших свиданий живительный ветер
выше всего, что подарено нам.

СОРОК ПЯТЬ

Горький возраст,
когда матерей и отцов мы теряем
и, никем не прикрыты,
на первом стоим рубеже.

Грустный возраст,
когда в молодых неудачно играем,
постигая с трудом,
что не молоды все мы уже.

Гордый возраст,
когда и умение и знание находим,
и любая работа
подвластна рукам и уму.

Мудрый возраст,
когда сыновей на дорогу выводим,
и уже разобратся успели,
зачем мы живем и к чему.

X

X

Кумиры юных дней кумирами остались.
Их образы за жизнь нигде не затерялись.

Кумиры наших дней, увы, неинтересны:
не трогают меня их строки, кисти, песни...

От самого утра, войдя в рассвет веселый,
вдруг песенку запел, с которой мчался в школу.

А в полдень томик взял, зачитанный, заветный –
и на сердце мое легли стихи приветно...

X

X

Утром встал веселым и крылатым.
Днем охотно пел и хохотал.
А поближе к тихому закату
незаметно для себя устал.
Но и вечер не давал покоя:
были неотложенные дела...

Утром вдруг подумалось с тоскою:
а куда неделя утекла?...

СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ. НА ВОЛГЕ

Кажется,
теплоход звался
“ Александр Пирогов “
или как-то похоже.
Его гудок над волной катался
и к облакам возносился тоже.

Волга была – без конца и края.
По берегам – Кремли да соборы.
Дома и домишки легко взбирались
на все прибрежные косогоры.

Там магазины были пустыми,
там лозунги кумачово светились.
На пристанях браконьеры с рыбой--
сушеной,
соленой,
свежей--
толпились.

Все было чудно в архитектуре,
и все в природе было прекрасным.

Но жизнь в нищете под откос катила,
и было смысл в ней искать напрасно...

Х

Х

Минчане...петербуржцы... одесситы...

Все изменилось с переменой мест.
И каждый день для нас – серьезный тест
под небом, солнцем сентября промытым:
тест на способность вжиться в новый свет,
тест на способность не забыть о прошлом,
не сделаться в пути цинично-пошлым,
самим собою быть на круче лет.

Все изменилось.

И судьбы зигзаг
не разгадали маги и цыганки.

Кто мог представить юную минчанку
как леди на гудзонских берегах?
Какой кудесник мог предугадать
изгнанника в московском волоките?

Мне нынче утро каждое – открытье
того, что и не думал открывать.

Смотрю по-детски, широко, открыто,
в себя вбирая жадно новый мир...

Разбросаны на всю земную ширь
минчане...петербуржцы...одесситы...

УЛИЦА ДЕТСТВА

Становятся привычными –
а станут ли родными? –
названия новых улиц, где нынче мы живем.
На Сандалвуд отлично мы освоились.
И ныне
по Вашингтон, по Либерти, по Хьюрону идем.

А Маркса или Ленина немного отодвинулись.
Свердлова или Кирова так далеко уже...

И жизнь рекою вспененной
со склона быстро двинулась,
змет силой центробежною на новом вираже.

Но есть на свете улица,
где каждый камень помнится,
где – детство мое бедное,
где – юные года.
Там память не заблудится,
там голова не склонится,
там сны мои весенние гуляют иногда.

По Сандалвуд точеная идет американочка.
На Мэйн смеются юноши.
На Хьюрон – бег машин...

А мне все снится Шорная:
под старой липой – парочка,
скамеечка, где сиживал часами я один...

Там – кладбище еврейское чуть в стороне, на Мебельной,
там на санях по Обувной неслись мы вниз с горы,
нет банков, супермаркетов,
нет замков фешенебельных –
лишь призраки суровые мне дорогой поры...

Х

Х

Я побывал в местечке, где когда-то
евреи жили, где еще сейчас
видны на крышах старые заплаты,
и где от всех от них дошли до нас
лишь яма – там они лежат вповалку,
дома, где дети их соседей, да--
на выросших давно деревьях – галки,
и вечных луж холодная слюда...
По схеме, нарисованной случайно
отцом, я отыскал отцовский дом.
Свидетелем судьбы дедов печальным
был старый дуб.
На кладбище пустом
уже камней почти что не осталось:
их растаскали...
Даже не со зла –
от бедности.
И боль, что мне досталась,
еще сильнее сердце обожгла:
за что все это?!...
За молитвы наши?
За вечные традиции отцов?...

За ямой трактор землю плугом пашет:
весна берет свое в конце концов.
Я сам теперь живу за океаном--
жизнь дальнею дорогой увела...
Но эта яма – боль моя и рана.

Такие вот печальные дела...
А мир, которому понять бы надо,
что исламистов надо скопом бить,
пока нет новых ям – хохочет рядом,
стараясь, ям не замечая, жить.

ПРИВЕЗЛИ МОРОЖЕНОЕ

Привезли мороженое.
Звонко
колокольчик музыку ведет.

И бегут мальчишки да девчонки –
разноцветный озорной народ.

Я зажмурюсь – и представлю чудо:
выпорхнув, как голуби с руки,
дети дней военных отовсюду
мчат, зажав в ладошках пятаки.

Им с какой-то сказочной машины
выдают сегодня по-утру
с запахом ванили и малины –
каждому!—
по сладкому шару...

Тем, кто ничего не видел в детстве,
кто не выжил,
кто не дошагал...

Был бы счастлив я, поверьте, если б
вместе с ними по двору бежал.

Под голубоглазым небом летним,
далеко от детства и войны,
снова возвращаюсь незаметно
в детские несбывшиеся сны...

Х

Х

Мои родные,
там, за тихою рекою,
где быть и мне,
увы, не в самый лучший час –
быть может,
вы нашли хоть чуточку покоя,
которым на земле жизнь обделила вас?

От всех своих трудов,
от войн и революций,
от всяческих вождей –
хоть лысых, хоть рябых,
от леденящих лап,
что утречком скребутся
по стеклам,
и от гроз, свирепых и слепых –
вы отдохнули ли?

Надеюсь, отдохнули...

А годы над землей проветренной летят.
Я вспоминаю вас все чаще...
Потому ли,
что стал я сам седым,
стал пристальней мой взгляд?

От лет,
когда любил прижаться к вам щекою,
до лет,
когда без вас спешу куда-то вдаль,
жизнь быстро пронеслась бурлящею рекою,
перемешав в себе
веселье и печаль...

Х

Х

Попробую быть искренним во всем,
от всей души любить и ненавидеть,
стоять перед расстрелом на своем,
увидеть все, что хочется увидеть.

Попробую не сдаться пустоте,
сопротивляться множеству соблазнов,
стоять на покоренной высоте,
спустившись, в суету включиться сразу.

А за столом попробую друзьям
сказать о том, как с ними мне уютно.

Попробую сказать в лицо врагам,
что их всегда я ненавижу люто.

И – будь что будет!

И пора придет –
воздастся мне за искренность, наверно:
мой враг меня когда-нибудь убьет.

Но, искреннему, мне не будет скверно:
вино всегда окажется вином,
слеза – слезой,
огонь – огнем горячим,
и буду спать я сладким детским сном,
и никогда о прошлом не заплачу...

Х

Х

Стар и учен. Учен и осторожен.
Но осторожность – трусости сродни.
Путь между Сциллой и Харибдой сложен:
он длится все отведенные дни.

Старик, сердчать на юношей не нужно
за то, что страха нет у них пока:
все впереди у них – и труд натужный,
и схватки, где им обобьют бока.

Но если бы от самого рожденья
учены, осторожны были мы –
не шла бы тропка в гору, без сомненья,
была бы жизнь подобием тюрьмы.

Спасибо нашей юности за дерзость
и за ее уверенность во всем:
потом свою мы вспоминаем резвость,
как счастье, для которого живем.

Х

Х

Порою нынче школьник знает
то, что совсем не знал Ньютон.
А все же так и не бывает
Ньютоном почему-то он.
И яблоки растут повсюду,
и жизнь—в уюте и тепле.

А все-таки Ньютон был чудом—
и будет чудом на земле.

СЧИТАЛКА

Точка, точка, запятая,
минус, рожица кривая,
ручки, ножки, огуречик.
Вот и вышел человечек.

Детская считалка.

Все в считалке было ясно.
Все в считалке было просто.
Вышел человек. Напрасно:
одежка не по росту.
Нет ему еды в достатке
там, где воры власть имеют,
где дойти до жизни сладкой
лишь немногие умеют.
Надо было от рожденья
зубы дать, чтоб мог кусаться.
Надо было, без сомненья,
локти дать, чтоб мог толкаться.
Надо было... Было надо...

Рисовали как умели.
Дали детям ясность взгляда,
песни добрые напели.
Рассказали сказки детям
о горах и небе ясном,
показали то на свете,
что показывать напрасно.
И живут они, ранимы,
совестливы, уязвимы,
к счастью, все-таки любимы —
это не промчало мимо.
Мимо их летят миллионы,
лимузины мчатся стай...
Время наше. Время оно...
Точка, точка, запятая...

X

X

Ну все. Подведены итоги.
Зерно укрыто в закромах.
Ни птичь ей песни -- у дороги,
ни смелого цветка – в лугах.
На волглых травах – белый иней,
хрустит ледок под сапогом,
и небо равнодушной синью
охватывает все кругом.
А там, где весело скользили
вчера лишь майские дожди,
задумчиво молчит предзимье,
рождая холодок в груди.
И клен, вчера золотокудрый,
богатство по ветру пустил.
И солнце смотрит с грустью мудрой,
и я невольно загрустил...

X

X

Есть ли я иль нет меня –
мир останется прекрасным.
Брызнет кровь рябины красной
в жар осеннего огня.
Зашуршит листва дубов,
клены золото разбросят,
на лугу огнями – росы,
в поле – обмолот хлебов.
Кто-то отвернул лицо,
кто-то весело смеется...
Все прекрасным остается,
как во времена отцов.

X

X

Когда швыряет осень листья щедро,
припомнятся иные времена:
весенних дней таинственные недра,
весенних чувств шальная глубина.
Когда дыханье холодов все резче,
припомнится горячий летний час:
тогда нам всем жилось на свете легче,
и ливни не преследовали нас.
Но стоят грош воспоминанья эти
в часы, когда метлой сметает прочь
последнюю листву осенний ветер,
а ливни бьют по окнам день и ночь...

X

X

Отзвенит осинник на ветру,
отгорят и клены, и березы,
и моя машина по-утру
будет вновь закована морозом.

Отскребу, очищу, оживлю,
отогрею стылую кабину—
поплывет, подобно кораблю,
верный «Торус» в сумрак утра синий...

И—по мере наступленья дня—
будут проступать вдоль улиц сонных,
радуя изяществом меня,
то березы в инее, то клены...

Х

Х

Много ли,
немного
отпущено нам,--
пусть ведут другие
счет этим дням.

Мы считать не будем --
жаль время терять:
не так уж его много,
чтобы считать.

Будем жить.
Работать,
ходить да смотреть.

Хочется потрогать
осеннюю медь,
зимнюю искристую снежную гладь.

Хочется многое
увидеть и взять.

А сильнее хочется --
другим подарить
если не дорогу,
то тропочку – нить,
чтоб сплелась из нитей
дорога вперед --
счастливая дорога,
не наоборот!

SILVER LAKE

У Silver Lake—Серебрянного озера –
небитые нашлись, конечно, козыри:
серебряная чистая вода,
высокий лес,
грибы в лесу,
и пляжи.
Тут мы с тобою становились даже
моложе и сильнее иногда.

У Silver Lake мне часто вспоминаются
озера – белорусские красавицы,
где на байдарках или на плотах
мы плыли, беззаботные и юные,
где баловали ночи нас безлунные,
согретые на пляшущих кострах.

Вся жизнь моя теперь протокой кажется,
которою в одну цепочку вяжутся
ручьи минут, речушки дней моих,
озера лет, моря – десятилетия,
и все, что повидал на белом свете я,
до нынешних закатов золотых.

Х

Х

Чтоб выпить день—
и захмелеть счастливым,
а после выпить ночь-- и юным стать,
еще найду вино особого разлива...

Но стало нелегко бутылку открывать.

НЕВЕСОМЫЙ МИР ВОСПОМИНАНИЙ

В невесомом мире,
по ту сторону,
уподоблюсь мудрому я ворону:
никого я не обижу,
буду реже баловать,
но судьбу свою предвижу
и смогу предугадать...

В невесомом мире вспоминаются
женщины, и каждая – красавица,
и родителей советы,
и слова друзей моих,
и весна,
и взлеты лета
где-то у вершин седых...

В невесомом мире тропкой тайною
снова я бегу на первое свидание:
мне девчонка-невеличка
улыбается опять,
платье в клетку,
две косички,
глаз от глаз не оторвать....

В невесомом мире моей памяти
извлекаю, как из снежной замяти,
все хорошее, все доброе,
сохраненное в душе...

Листья дней, задеты охрою,
осыпаются уже...

ГОРЬКУШКИ

Поближе к осенней поре
горькушки растут на горе.
Грибы те -- не первого сорта,
не всякий грибник их берет:
трудится придется до пота,
пока из них горечь уйдет.
Но вымочат,прокипятят,
пять вод переменят подряд,
добавят укропа и перца,
засолят,зальют маринад --
и вот -- похвала им от сердца! --
горькушки охотно едят...

...Поближе к осенней поре
ты часто встаешь на заре.
И бродишь по тихим опушкам,
по горкам сосновым -- везде
горькушки, горькушки, горькушки.
К дождям?К листопаду?К беде?

Поверь:не к беде, а к застолью,
богатому хлебом и солью,
к друзьям дорогим и подружкам
веселые сестры-горькушки
растут и растут на горе
поближе к осенней поре.
А осень еще не беда!
Прольется багряное солнце --
от горечи не остается
в полуденный час и следа.
Нам весело:
словно веснушки,
поближе к осенней поре
горькушки, горькушки, горькушки
рассыпаны в мох на горе.

КОНЕЦ НОЯБРЯ

Последний вальс
последний лист
в последний день осенний
кружил,
и ветра тихий свист
сопровождал кружение,
и вместе с ними, не спеша,
в лесу кружила строчкой
моя весенняя душа
в осенней оболочке.
Ноябрь уходил от нас,
подчистив мир до блеска,
а звездный свет
последний вальс
подсвечивал нерезко,
и было далеко видать...
Но вдруг пришла тревога,
что год кончается опять,
а сделано немного,
что откружил последний лист,
что недоступно лето,
что и строка моя – лишь свист,
теряющийся где-то...

X

X

Сопrotивляясь ветру и дождям,
упорно держит дерево листву.
Сопrotивляясь боли и годам,
стараюсь и во сне и наяву
самим собою постоянно быть,
сберечь от тлена молодые чувства,
листву воспоминаний сохранить
и перелить в слова любви искусно.

Х

Х

На последнем балу у осени
я кружился, и ты кружилась...

Гимн трубили за Птичью лоси нам,
нам на плечи листва ложилась.
Костерок танцевал восторженно.

Мы такими юными были,
что о правилах, нам положенных,
на неделю похода забыли.

Жизнь потом наши тропы правила
указаньями взрослых правил,
развела,
по углам расставила...

Сам других по углам я ставил,
хорошо понимая безумие
безрассудности и кружения,
и осеннего полнолуния
в час,
когда совершалось рождение
первой строчки и первой страсти,
первой полночи,
солнца нового...

А теперь вспоминаю, как счастье
эти дни мои бестолковые...

Х

Х

Гречиха зацвела.
Как будто на холме
расстелена веселая косынка,
а поверху плеснуло лето синькой --
по ней-то солнце катится ко мне!

Я замер. Я поверил: миг еще --
и солнца шар я придержу рукою,
повешу, словно лампу, над рекою --
пусть повисит над ней, розовощек!
Но где там?!
Шар уже холма коснулся,
чуть полежал --и полусферой стал,
последний луч издалика послал --
и все!
Весь мир вдруг в сумрак окунулся.
Но сразу, словно искры, над холмом
взлетели звезды.
Стало очень тихо.
Едва светилась в темноте гречиха.
И было что-то неземное в том.
Мне стало неожиданно легко.
ушла усталость.
здравствуй, звездный вечер!
Раскинься над полями, лесом, гречкой,
отбрось мои заботы далеко,
позволь забыть на миг мои дела...

Как пахнет медом, мятой, сыродоем!

...И вдруг:
" Кто я такой?
Чего я стою
в том мире,
где гречиха зацвела?"

Х

Х

В спектакле жизни, где не мы
уже в ролях героев главных,
где героини влюблены
в других ребят, лихих и славных,
мы просто составляем фон.
Мы – задник сцены.
Мы – кулисы.
И нас теснят со всех сторон
юнцы—актеры и актрисы.

Обидно ли?
И да. И нет.
Так было, есть, и будет снова.
То мрак перетекает в свет,
то наползает тьма сурово.
Не страшно.
Отыграли роль
героев все-таки неплохо,
и кто-то был из нас король,
а кто-то-- зеркалом эпохи.
И наших женщин красота
пленяла, к небу возносила.
А кто в кулисах был тогда –
припомнить нынче я не в силах.

Мир справедлив.
Хоть и жесток.
Он—от кулис до авансцены –
выравнивает всех в свой срок,
определяя всем нам цены.
И я молчу.
Кипит во мне
желание помочь ребятам.
Но я невидим в тишине.

А был ведь на свету когда-то...

И А НЕБЕСНОЙ ВЫСОТЕ

Х

Х

Музы, как и женщины, свободны
и нетерпеливо горячи...
Рвет их юбки ветерок-негодник,
хрипло славят в поле их грачи.

Многие сегодня к Музам рвутся
в ложной вере, что доступны те...

Музы же и нынче остаются
на своей небесной высоте.

Только так!
Всегда.
В любые годы.

Без таланта выйдет просто пшик.

Муза даже гению свободу
отдает однажды-- лишь на миг...

ЗРЕЛОСТЬ

Понятен мне порыв Икара:
в минуты обретенья крыл
я сам не раз с душевным жаром
у солнца жгучего парил.

В тот миг никто бы не добился,
чтоб я покинул высоту,
чтоб ближе к холодку спустился
из страха лишь, что упаду.

Да и сейчас еще мне снится
у золотой звезды полет,
хоть сдержанность во мне гнездится
и к осторожности зовет.

Но страха нет во мне:
настала
пора, когда могу летать
и хладнокровие Дедала
с порывом юным сочетать.

Х

Х

Будет повод – поохочем.
Будем повод—погрустим.
Я пишу.
А между строчек
тянутся туман и дым.

Так затянуто бывает
прожитое мной подчас,
что его не различает
мой когда-то зоркий глаз.

Наслоенья.
Слой за слоем.

Археологом я стал:
нынче утром, словно Трою,
годы детства раскопал.
Был другой, конечно, климат –
годы страха и войны...

Сам себе герой и Шлиман,
перекапываю дни.

Х

Х

В Минске, на зеленой улице,
во дворе, где я жила,
вечер нынче рано хмурится,
день совсем коротким стал.

И в Анн Арборе, конечно же,
ненамного день длинней,
а Пути полоска Млечного
протянулась, бесконечная,
от Анн Арбора до вечной той
тихой улицы моей.

Не с нуля жизнь начал новую:
что-то в сердце берегу,
раз я улицу далекую,
утонувшую в снегу,
в багаже души, незримую
ни таможене, ни друзьям,
перевез дорогой длинною,
для души необходимую,
по бушующим морям
к этим новым берегам...

ПЕРЕД ПОЕЗДКОЙ В МИНСК

Я трусом стал.
Не меньше и не больше.

Перед полетом грусть меня берет...

А где-то там, в садах далекой Польши,
апрельский лепестковый снег идет.
Мне после часа отдыха в Варшаве
останется всего один прыжок
до той земли,
где в вешнем автоклаве
кипел моей души апрельский сок.

Там, в испытаньях,
в поисках везенья,
невидимому прессу вопреки,
апрельские мои стихотворенья
летели над землей, как лепестки.

А много позже,
в зрелости осенней,
когда пошли холодные дожди,
как яблоки,
слова стихотворений
янтарно зажигались впереди.

Там было все:
удачи и крушенья,
удар о землю,
новый взлет в зенит...

Но в прошлое на месяц возвращенье
пугает отчего-то и томит...

ВАЛЬСОВОЕ НАСТРОЕНИЕ

Ах, какое нам везенье
выпадает в эти дни:
парком майским,
днем весенним,
мы бредем с тобой одни
то по Пушкину,
то в Стрельне,
то меж Петергофских струй,
где и воздух—как в деревне,
и вода—как поцелуй!

И всего-то меньше суток
от Анн Арбора – сюда.

Но в короткий промежуток
умещаются года
наших бесконечных странствий,
поисков,
утрат,
дорог,
ветер звонкого пространства,
дома нового порог ...

Так легко, и так непросто...

Мы шагаем, как поем—
нам сегодня все по росту,
мы—как в юности—вдвоем.
Снова бродится без лени
по аллеям и дворцам...

Ах, какое нам везенье:
возвращенье к юным дням!

НАЧАЛО ПЕТЕРБУРГА

Забрызганы чулки и башмаки
приневской грязью.
Кружева измяты.
По гати катят легкие возки,
кареты, дроги...

Русь спешит куда-то,
гонима мощной жесткостью царя.

А в головах под париками робко:
--Ох, погоняет Петр Россию зря.
Итти бы ей не гатью – тихой тропкой...
Вон сколько уложили мужиков,
порушили имений и усадеб!
В России много лет не слышно свадеб –
Гром пушек да движение полков...

Но грозен Государь.
Среди болот
то тут, то там уже восходят стены,
и крепость быстро на Неве растет.

На жизнь и смерть давно уж сбиты цены,
уют московских теремов забыт,
заброшен вековечный старый быт,
и катят гатью легкие возки,
и в черных пятнах модные чулки...

АПРЕЛЬСКИЙ ДОЖДЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

На Итальянской тарантеллу
плясал апрельский дождь с утра,
и струйки проникали к телу
сквозь курточки и свитера.

Нам было мокро по-российски,
но было весело опять
под этот танец италийский
вдвоем по Питеру шагать.

Мы шли к каналу.
Многоцветьем
Спас на Крови над ним играл.
И, разгулявшись, легкий ветер
с разгону под мосты нырял.

Был город отражен асфальтом,
и мост в канале отражен.
Как акробат, веселым сальто
нас радовал внезапно он.

Все пело, шлепало, звенело:
апрель правленья в руки брал...

На Итальянской тарантеллу
дождь с южной радостью плясал...

АНИЧКОВ МОСТ

Укрощенные кони—
виновато опущены головы,
а свободные кони—
вздываются на дыбы...

Я люблю этот мост,
где Фонтанки серое олово,
где холодное небо цепляется за столбы.

Над потоком машин—
шумным чудищем нашего века,
над дождем и метелью,
над мглой и тревожным огнем,
воплощенная в бронзе—
в ней слабость и мощь человека—
продолжается схватка с природой—
упрямым конем.

Объезжаем коня.
И покорностью часто довольны.
И уверены мы,
что навеки тот конь укрощен.
Но в широкие ноздри врываются запахи воли,
и опять на дыбы
поднимается весело он.

Я смотрю, как пульсирует каждая жилка под кожей,
как у юношей мышцы предельно напряжены...

Станем мы в этой схватке
прекрасней, сильней и моложе
или наземь падем мы,
усталостью сражены?...

АЛТАРЬ ПЕТРОПАВЛОВСКОГО СОБОРА

Он прост, собор.
И пропорционален.
Шпиль устремлен стрелою к облакам.
Тут стены, словно тверди наковален,
подставлены ветрам, как молотам.

Внутри собора—царские могилы
и кружево резного алтаря.
История растила, возносила—
и хоронила каждого царя.

Тут все они ведут себя тишайше:
и грозный Петр, и прочие –равны...

Экскурсий гомон, тихо шелестящий,
не потревожит властелинов сны.
А мне не так надгробья интересны,
как золоченый липовый алтарь.
Его узоров кружевная песня
живет три века.
И небесный царь – Творец всего –
любуется, конечно,
игрою света на резных листах.

Что человек?
Он хрупок и невечен.
Но вечность -- где-то у него в руках,
в душе, в его способности делиться
и сотворить такую красоту...
Экскурсиям --бродить. Свечам – светиться.
И алтарю—стремиться в высоту.
Глядеть глазам святых с иконостаса.
Переливаться листьям алтаря.

А дети с неохотой будут в классе
зубрить деянья каждого царя...

ПАМЯТНИК ПАВЛУ ПЕРВОМУ

Окруженный Фонтанкой и рвом,
ослепительно новый и чистый,
замок, майским согретый теплом,
слушал песню пробившихся листьев.

Император тщедушный сидел
во дворе на торжественном троне,
напряженно под арку глядел —
старый мальчик в российской короне.

Он и нынче боится всех тех,
кто пришел в его спальню однажды,
не надеясь на май, на успех,
и на рыцарей чести отважных.

Через двести промчавшихся лет
он все ищет и ищет кого-то—
но несмело лишь солнечный свет
проникает в пустые ворота.

Жизнь о чем-то шумит на заре,
разгалделись над крышами галки...

Император сидит во дворе
напряженный,
торжественный,
жалкий...

Х

Х

Они совсем рядышком—Михайловский замок,
где задушили Павла Первого, и Спас на Крови,
где бомбой взорвали Александра Второго...

Веков на миг раздвину шторы я
и рухну в вековую прорву:
что за кровавая история—
тут царь задушен,
там был взорван!...
А после—
штурм дворцов столь яростный,
и роковая революция,
и сталинщины шаг безжалостный,
и трупы на блокадных улицах...

Неужто надо густо-пакостно
историю усеять жизнями,
чтоб сердце наполнялось радостью
от чудо- портиков с карнизами,
и окон стрельчатых,
и купола,
и шпиля, в небо уходящего,
и птицы, что глазами лупала
с куста на все происходящее?

Идем проспектами и площадью.
Ночь дождиком на город мочится...

Столетий челюстями мощными
в России поработать хочется...
Так ей дано, так ей отмеряно—
быть самоедкой ненасытной
и все свои пути неверные
пройти шагами монолитными...

В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ДВОРЦЕ

Вкруг темных окон—позолота.
Синь стен.
И белизна колонн.
Из окон тень былых времен
угрюмо смотрит на ворота.
А там --толпа.
И мы с толпой
сегодня во дворец заходим.
А то, что во дворце находим—
подарок, поданный судьбой:
в былые времена всех нас
и близко бы не подпустили,
а тут из вековечной пыли
хозяева глядят на нас.
Вот только знать им не дано
кто мы, какие, что хотим мы...

Сквозь патину веков—картины
ушедшего давным давно.
Жизнь, кажется, не изменилась,
но изменилось все вокруг,
что было прочным – вдруг разбилось,
что хрупким – стало прочным вдруг.
И в декорации иной –
все те же помыслы и цели.
Так много сделать мы хотели!

Идем восторженной толпой
по анфиладе пышных залов—
и поражаемся всему,
а более всего—тому,
как сами мы успели мало...

КОННЫЕ ПАМЯТНИКИ

Сколько золотых коней
мчат куда-то по столетьям,
сколько памятников этих
носятся среди наших дней!
Где-то в Питере, Москве,
в тихой Праге, шумном Риме
в бронзово-зеленом гриме
мчат куда-то по траве.
По бульжнику стучат,
по асфальту—дробный цокот
сквозь дождя веселый хохот,
крики маленьких ребят.

На конях тех золотых –
императоры и принцы.
Им бы всем остановиться
хоть на малый передых.
Вздыбленные кони тех,
что властителями были –
посреди автомобилей
и теперешних потех.

Равнодушные, порой
мы любим конями,
их раздутыми ноздрями,
чудо-гривой золотой.

Кто те всадники?
Сейчас
нам они неинтересны:
от своих хозяев тесно!
Кони привлекают нас
статью, мощью мышц и жил,
страстью, бешеным аллюром,
солнцем на горячих шкурах
да избытком юных сил.

РЕШЕТКИ ПЕТЕРБУРГА

1.

Обратить металл не против музыки—
в музыку!—большое волшебство.
Лепестки чеканные и узкие –
вот оно, нежданное родство.
Изогнулись шеи лебединые,
свит живой орнамент из колец...
Отковали кузнецы старинные
музыку из собственных сердец.
Представляю их работу адскую:
тяжкий молот грудь и плечи рвет,
хрип мехов—не песня залихватская...
А решетка, вслушайся, поет!
Им стекает пот соленый в бороды...
Снег ли сыплет, дождь ли моросит,
нежно и доверчиво над городом
кованная музыка звучит.

2.

Еще во времена Петра
решетку царского двора
так крепостные мастера отлили,
что, как чеканка серебра,
узоры чугуна—ковра
всех – голь на выдумку хитра! –
дивили.
Чугун? Чугун!
Проверь, изволь...
Какие кружева!
А голь?
Голь богачи, как вещи моль, сожрали...
Так голью и осталась голь.
В литых цветах – мечты, и соль—
в металле...

X

X

В Болдино ему легко писалось,
ожидалось, думалось, мечталось —
торопилось легкое перо.
Впереди—просвет.
А тучи—где-то.
Листья осыпались мягким светом.
На лугах лежало серебро.

В Болдино ему легко бродилось,
но еще быстрее торопилось
слово к слову—в тот счастливый ряд,
что поэту выпадет нечасто.

Болдино.
То ли преддверье счастья,
то ли первый шаг на спуске в ад...

X

X

Быть третьим от конца
в лицейском списке.
Не кланяться.
Не кланчить.
Не лизать.
Но при великом деле состоять.
И обрести в сердцах людей прописку.
Поэт поэтов.
Наш курчавый бог.

Дал Пушкин нам блистательный урок.

X

X

Опять весенние рассветы
в пути далекие зовут,
и снова водопады где-то
в сто радуг солнце перельют.

Бежит по склону ветер шальный,
рвет в клочья языки огня,
и горы в белоснежных шалях
нетерпеливо ждут меня...

X

X

Горы выгнули длинную спину:
греет старые кости хребет.
Солнце ягодой спелой малины
прокатилось --и вмиг его нет.

Тенью гор нас врасплох захватило:
накатил на тропу холодок,
возле нас ветерком закрутило
сдутый с гор серебристый снежок.

Сквозь шиповник продравшись колючий,
что не сдался теням и снегам,
шла тропа моя выше и круче
к очень близким уже ледникам.

Небо синим кристаллом светилось,
стало тихо в предчувствии сна...
Желтой сливой наверх прокатилась
из ущелья по склону луна.

X

X

Невероятной этой ночью
на высоте, где льды и ветер,
где эхо возле звезд хохочет,
где мы-- одни на целом свете,
невероятной ночью этой,
ко мне прижавшись поплотнее,
она была со мной, я – с нею,
и мы парили над планетой.
Вершины под луной светились,
созвездья с ледников катались,
сердца от счастья звонко бились,
тела в вулканы превращались.
А утром, лишь коснулось солнце
вершин – мы двинулись в дорогу,
вниз с ледника, где остается
от нас так мало и так много...

X

X

Несет прохладу голубой поток,
уже темно в ущелье Сарымата.
Последний отблеск южного заката
вершины белоснежные поджог.
Они горят бездымно и неярко,
и, как вода, их заливают мгла,
а костерок, что ночь нам принесла,
в обветренные лица дышит жарко.
Ушла усталость. Песни мы поем.
И Сарымат нам вдохновенно вторит,
и ласковыми кажутся нам горы...

Но как они нас вымотали днем!

Х

Х

Мечутся реки -- в ущельях им тесно:
камни их давят,
скалы их жмут.
Реки бунтуют,
гневные песни
без передышки надрывно поют.

Только у моря,
попав на равнину,
словно бы разом стареет вода:
тихо грустит -- ведь родную теснину
ей не увидеть уже никогда.

... Так же и я тосковал и метался,
не понимая, чего я хотел.
Сразу за тысячи дел принимался,
тут же бросая тысячи дел.

И отыскалось --
время пришло! --
дело, которое дорого мне.
К этому делу душа прикипела.
Страстно работаю.

Но в тишине
я вспоминаю с любовью метанья,
споры, бессонницы и синяки,
чувствуя в сердце и грусть, и молчанье
к синему морю пришедшей реки...

Х

Х

Дождя серебряные бусы
по спинам молотили нас.

На двух вершинах на Эльбрусе
сияло солнце в этот час.
И оттого, что к солнцу шли мы,
дождь не пугал,
снег не страшил:
Эльбрус стоял, как символ зримый
веселых всемогущих сил.
Там даже лед живым казался...

Потом, на ледяных ветрах,
нам дождь с любовью вспоминался –
так замерзали мы на льдах!

Когда же, светел и уютен,
нас нежил пляж –
подобно снам
и дождь,
и стужа на приюте,
как счастье, вспоминались нам..

И до сих пор остались в сердце
не гагрский пляж,
не моря шум –
а дождь и лед,
а резкий ветер,
а в стороне – лавины шум...

МЕСЯЦ НАД ГОРАМИ

Серебряный челнок нетонущего месяца
легко скользил всю ночь по быстрым облакам...

Я слушал до утра,
как ветер в скалах бесится,
и воет в пропастях,
и гладит спины льдам.

Скольжение челнока, бесшумное и легкое,
заорожив, влекло воспоминанья в путь,
и привело туда,
где тропкой одинокою
и я скользил,
спеша к любимой заглянуть.

Я вспоминал тот двор, окно, подъезд и лестницу,
тот голос, тот звонок, те теплые глаза...

Плыл за окном челнок серебряного месяца...

Ах, черт возьми, как жаль,
что повторить нельзя
ни годы, ни пути, ни встречи, ни сомнения!...

Лишь можно иногда в любом конце земли
под плач ветров смотреть на месяца скольжение,
и сожалеть, что мы немного сберегли...

Х

Х

В горах высоких Западной Канады
подумаю на миг:
--Ну что мне надо
еще, чтоб быть крылатым, как и был?..
Меня до ледника везет автобус,
меня по леднику везет автобус,
с удобствами меня доставят к небу
и выпустят, чтоб птицею парил...

Не надо здесь под рюкзаком сгибаться
и на крутом подъеме задыхаться:
езжай, гляди себе во все глаза,
к тому, за чем неделями шагали,
за два часа теперь мы доезжали,
и славно это—не признать нельзя.

И вдруг я осознал, что все же, все же
то—прежнее-- бывало мне дороже,
как все, что доставалось нелегко,
и пот, и соль на спинах, и ребята,
с которыми смеялся я когда-то,
и солнца жар, и тени облаков...

Х

Х

Прощальная гастроль на золотые Фаны,
где патриархом я сейчас горам предстану,
где седина моя и ледников седины,
как говорят,уже почти несовместимы.
Но сердце ничего, увы, не понимает:
и тянет до снегов,
и до небес толкает,
и хочется опять, как в молодости, где-то
над пропастью шагать
в счастливый миг рассвета...

ВЕЧЕР НАД РЕКОЮ

Река змеею проползет, с извивом,
вдоль по долине с пышными лугами,
где к вечеру коней густые гривы
растрепаны веселыми ветрами.

Люблю реки змеиные изгибы,
блеск чешуи—воды иссиня-черный,
и выпрыги шалящей быстрой рыбы,
и по воде—круги,
и бег задорный
коня по травам и цветам куда-то,
и хвост его, летящий над травкою...

Люблю костер июльского заката,
и звезды высоко над головою.

Мне, городскому жителю, немного
досталось тишины, травы, покоя,
ходьбы по мягким травяным дорогам
над ласково извившейся рекою.

Вот почему я впитываю жадно
все запахи и краски, все движенья:
мой мир на миг становится нарядным,
мне обещает юность —возрожденье.

И я стою под заревом заката,
смотрю на бег коня, вдыхаю ветер —
и становлюсь вдруг юным и крылатым,
и жить мне хорошо на белом свете!

X

X

Луг. Река. Кони,
мягкими губами срывающие цветы.
Лилия на листе, как на ладони.
Солнце над нами.
И рядом—ты.

Ошеломленно
на залитый солнцем луг
смотрю: красиво!
Влюбленный,
я понимаю вдруг:
чтоб жить счастливо,
нужны:
луг, река, кони,
мягкими губами срывающие цветы,
лилия на листе, как на ладони,
солнце над нами,
и рядом—ты.

X

X

В какой печи заря испечена?
Опять, багряна и светла,
и над полями, и над речками
она, веселая, взошла.
Впитала ароматы летние,
деревни сладкие дымы...

Живительным теплом согретые,
день новый начинаем мы.

КОГДА УПЛЫЛО ЛЕТО

А когда уплыло лето незаметно,
солнце стало позолотой листья крыть –
вот тогда-то я затосковал по лету,
где не смог я ничего открыть.

Были месяцы растрочены бездарно:
без дороги, без лесов, озер и гор,
без душевной музыки гитарной,
без стоянки, где плясал костер...

И в попытке что-то наверстать, исправить,
в листопад я поспешил тогда,
словно можно время вспять направить
и вернуть ушедшие года.

Надо мной листва с утра звенела сухо,
первый иней расстилался серебром,
и комар случайный возле уха
распевал о чем-то о своем.

Было всюду солнечно, прохладно,
от реки тянуло холодком,
а с душою сделалось неладно,
как с потухшим к ночи костерком.

Но потом, войдя под полог неба чистый,
что над полем утренним синел,
я увидел:
в золоченных листьях
поздний свет еще не отгорел.

И к закату я совсем оттаял,
слушал птиц летящих голоски
и смотрел опять вслед птичьим стаям
и вслед солнцу тихо, без тоски...

X

X

Все мог Моцарт.
Мог ходить,
бегать и взлетать под небо.
Мог любить и мог дружить.
Мог болтать,
мог слушать немо.
Мог перешагнуть порог,
мог подняться к звездам выше.
Музыку в полет он мог
запустить, как птицу с крыши.

Был он легким, как дитя.
А кому-то был укором:
ведь немногие шутя
с песней забегают в гору.

Дал ему такое Бог,
что другим не достается...

Все мог Моцарт.

Лишь не смог
посчастливей жить под солнцем...

ФЕРТ

Ферт – фат, шеголь/из толкового словаря/

Давал приезжий ферт концерт.

В костюме от Версачи ферт
на сцену выбежал легко
со скрипочкой в руке.
Был несолиден.
Ростом мал.
Улыбкой дерзкою сиял.

«Ах, надо же!..»- подумал зал...

Но где-то вдалеке
взлетел смычок,
родился звук,
другие набежали вдруг –
и повели туда,
где снега шли,
дожди текли,
трава пробилась из земли,
а реки—из-под льда.

И зал, поддавшийся вперед,
не мог понять, где ферт берет
все эти звуки,
как ведет
весь зал он за собою...

Давал проезжий ферт концерт.
Был от Версачи он одет.

Но с музыкой в ладу был ферт
и был в ладу с судьбою...

Х

Х

В подземных переходах, на углах—
и в Лондоне, и в Риме, и в Париже —
российских музыкантов слушал я,
придвинувшись как можно к ним поближе.
Тут были гармонисты, скрипачи,
любители и профессионалы,
каких, быть может, в нашем мире мало...

Толпа, остановись и помолчи:
российские играют музыканты--
несправедливо нищие таланты...

Играют, чтобы души отвести.
За стерлинги , за лиры и за франки...

Спешит толпа.
Ее не потрясти—
хоть вывернись пред нею наизнанку.
Сам Паганини был бы обойден,
и Ойстрах был бы ею незамечен...

Спешит толпа.
Течет со всех сторон.
Ей некогда: уж подплывает вечер...

Но все ж в футляре-- несколько купюр,
к тому же есть и несколько монеток.
И кружит возле фонарей ноктюрн,
запутавшись среди веселых веток.

Мне жалко тех, кто души тратит здесь,
их руки, их усердие, бельканто...

Спешит толпа.
И в мире без чудес
российские играют музыканты...

КОНЦЕРТ КОЛОКОЛОВ В КАУНАСЕ

Тяжелый снег бесшумно падал вниз,
слегка скрипел под нашими ногами...

Вдруг в темной туче,
в сумерках над нами,
тоскующие звуки родились.

Глубоким звоном наполняя нас,
напев Сольвейг колокола запели.
Казалось,
вырываясь из метели,
издалека сюда весна неслась,
сбивала снег с домов и мостовой,
в озябший мир
несла тепло и солнце,
просила верить,
что она вернется,
звенела тихой песней ключевой.

Я пил весну!
Она в меня вошла,
она мне в январе апрель вернула.
И пустыки,
что вновь метель задула,
когда умолкли вдруг колокола.
Стал мир теплей,
поднялись тучи выше.

Какой кудесник это сделать смог?!

...Из узкой дверцы, зябко ежась, вышел
худой и невысокий паренек.

БАХ ИГРАЕТ НА ОРГАНЕ

Ударяя толстыми пальцами в клавиши,
Бах упивался, наверно, звучанием
музыки,
стены собора качающей
и возносящейся звездным сиянием.

Уже клавесин пел негромкие песни,
и клавикорды в дворцах звучали.
Но для разговоров с Богом чудесных
были они пригодны едва ли.

И только орган, сотрясающий стены
басами своими, страстно—неистовыми,
мог достигать и говорить с небом
всеми своими регистрами.

Играет Бах.
Канделябры качаются.
Играет Бах—сын давнего века....

И не знает,
что в толстых пальцах рождается
связь между Богом и человеком.

СОНАТА ШОСТАКОВИЧА

Изящная японочка- скрипачка
в полуоткрытом платье от Версачи
играла Шостаковича сонату,
где было много грусти, боли, плача,
где смех прорвался в третьей части только –
но тут же скрылся за печалью русской...
Где познавала это все японка,
держащая смычок рукою узкой?
Как нашу жизнь она познать сумела?
Ведь жизнь ее была намного легче...

Я слушал, все забыв.
А скрипка пела.
И зал подался музыке навстречу...

БАЛЕТ

Вот взлетела Жизель.
Так над лугом
в летний полдень летит мотылек.
Так на стебле легко и упруго
раскачался веселый цветок.

Ах, волшебная сказка балета!
Увлеки. Унеси. Закружи.
И очерчены ясно при этом
все движенья и страсти души.

Я за музыкой не успеваю.
Но сейчас на душе хорошо.
Скоро сказка окончится, знаю:
вот уж занавес к центру пошел....

ОДНАЖДЫ В ТАЛЛИННЕ

В командировке, в Таллинне,
в костеле
я слушал, как орган вздыхал басисто,
а чистый женский голос возносился
под купол – и спускался с неба к нам.
Я вспоминал, как я стоял у входа
в другую церковь.
Там пел хор в то время.
И девушка, которую любил я,
сидела там, поближе к алтарю,
и нимб ее волос светился странно,
а я боялся подойти, окликнуть,
представиться,
с ней рядышком присесть.
Любовь мою захлестывала душу.
Молилась Богу девушка.
А я – любви молился.
Думая наивно
в свои шестнадцать,
что Бог и есть Любовь...
А как иначе?

Но позже оказалось, я не прав,
и Бог бывает в гневе, и при этом
всесилен, грозен,
а Любовь-- слаба.
Уходит вдруг она, чтобы однажды
мне вспомнится в дороге, лишь увижу
нимб вокруг прелестной головы девчушки,
а с неба хор спускает музыку на землю,
и, взяв мою доверчивую душу,
на небо вместе с музыкой несет...

ВПЕРВЫЕ В ВИЛЬНЮСЕ

Вильнюс грелся углем, что ли:
трубы под вечер дымили...

Образ у дверей костела
снег и изморозь покрыли.

Был такой мороз,
что губы
у молящихся дрожали:
их платки и даже шубы
от мороза не спасали.

Мне же—в легонькой кепчонке
и не шибко плотной куртке—
было радостно и звонко
в Остробрамском закоулке:
пролетев через столетья,
я вбегал, на все готовый,
и в дымы крутые эти,
и в пейзаж средневековый...

А вдали, за дымом плотным,
над деревьев паутиной,
как стрела, летела в небо,
в стужу
башня Гедимина...

X

X

Концерт прекрасным был.
Вобрал
в себя и южные мотивы,
и северным неторопливым
напевом музыкант блистал.

Россини, Моцарт, Глинка, Григ...

Какое странное собрание!
В нем солнца южного сиянье
и северного ветра вскрик...

Узоры, милые вовек,
сошлись на время воедино:
от беззаботности Розины
до грустной нежности Сольвейг...

X

X

Нет намека изящней и тоньше,
чем раскраска клавиатуры:
белых клавиш все-таки больше,
что и надобно для культуры.

X

X

Сломало яблоню.
Но в мае,
как поминальную свечу,
она соцветья поднимает
навстречу майскому лучу.

Не так ли и меня ломают
ветра годов в который раз,
а я соцветья поднимаю
навстречу солнцу в майский час.

И верю, что моей любимой
захочется в конце концов
однажды, пробегая мимо,
в соцветья окунуть лицо.

X

X

Утолить свою жадную душу
свежим ветром и солнечным светом,
птичьим щебетом раннего утра
и счастливым дыханьем весны,
становиться с годами все лучше,
все щедрей и богаче при этом--
и когда-нибудь сделаться мудрым,
и увидеть счастливые сны...
Столько в жизни тревог и печалей,
и потерь невозвратных познаем,
чтобы каждое жизни мгновенье
научиться ценить и любить!
Вот рассвет тронул розовым дали,
вот дорогу опять начинаем,
понимая, что жадную душу
никогда не дано утолить.

X

X

Кнут над Мастером не властен:
гонки он не признает.
От сует свободен Мастер,
не свободный от забот.
Тем и люб он людям очень,
что постиг работы смак,
тем отличен он от прочих
подмастерьев—работяг...

АВТОПОРТРЕТЫ

Измученный лик Леонардо.
Истрепанный – Буанаротти.

Взрываются дни, как петарды,
и гаснут в житейском болоте.

И только глаза Рафаэля,
ушедшего юным и свежим,
на мир безмятежно смотрели
с любовью, восторгом, надеждой:
не дожиты многие годы,
еще не случились печали,
и сладкие соки свободы
еще в нем не перестояли...

В И Т Р А Ж

Витраж в костеле, озаренный светом,
меня богатством красок поразил:
на нем цвели веселые букеты—
ромашки, васильки и девясил.
А на цветах Апостол босоногий,
не приминая стебельков, стоял.

Наверно, так и приходили Боги,
когда к себе молящийся их звал.

Сиял витраж так чисто и прозрачно,
что показалось:
Истина – проста...

Но в алтаре сидела Дева, плача,
поддерживая голову Христа...

Х

Х

Жук – скарабей,
священный бог времен,
когда росли в пустыне пирамиды
и высекался Сфинкс,
и фараон
носил жука от сглаза и обиды...

Сейчас он голубеет на стене
как малый сколок от преданий вечных,
напоминая неизменно мне,
что даже бесконечное конечно...

О МУЗЕЯХ

У Дайнеки-- красный конь весело купается.
У Кустодиева-- чай пьет купчиха с сахаром.

По полотнам жизнь течет.
Счастье не кончается.
Для моей души музей выступает знахарем.

У Архипа Куинджи лунным светом подчуюсь.
У Перова с тройкою воду протащу.
Левитановской бреду подмосковной рощею.
У пруда с Аленушкой тихо погрущу.

Столько дарено минут --и не счесть мне, кажется.
Столько впитано всего в глубину души!...

А сейчас люблюсь я женщинами Саржента.
Как же мог я жить без них?
Чудо хороши!...

Х

Х

Есть удивительное чувство
прикосновения к искусству,
когда по несколько часов
стоишь у маленькой картины—
и открываешь тот засов,
и ту срываешь паутину,
что закрывали много лет
высоких истин мудрый свет.

У “ Т Р О И Ц Ы “ Р У Б Л Е В А

Все беспокойное -- успокоится.
Все ненужное -- прочь уйдет.

...Скромное золото рублевской "Троицы"
свет спокойный и теплый льет.

Золото крыльев.
Одежды синие.
Грустно склоненные три лица,
песенно-плавные,
триединые,
как мы едины во всем до конца.

Опережая сомнения наши,
чем-то Рублев освятил лица те,
что,
безразличные к жертвенной чаше,
не безразличны мы к их красоте.

То суетливые,
то бестолковые --
кто же всегда в этой жизни толков? --
смотрим в глаза мы темновишневые:
ищем себя в них и мудрость веков...

В АНТИЧНОМ ЗАЛЕ

Изойти от ревности к древности,
к древним комикам или трагикам,
к их спокойствию или нервности,
к их титанам и даже – к карликам.

Ревновать скульптуры к их прелести,
даже если руки потеряны,
потому что в этой нецельности –
бездна такта и вкуса верного...

Бродим мы по залу античному,
смотрим в лица точеные, греческие.

Мрамор светится.
Нет в нем личного –
только общее, человеческое...

Х

Х

Было холодно много недель.
Жизнь текла, небогата на ласку.
Но сегодня открыл Рафаэль
тайну синей светящейся краски.
И ударила кисть в полотно,
и глаза широко растворились!...
И от глаз синевы заодно
небеса за окном засветились.
Синий плащ прикрывал облака,
по которым шагала Мадонна.

Теплый ветер дул издалека.
Мир стал ласковым.
Небо – бездонным.

СОН О MOULINE ROUGE

Mouline Rouge...

Художники, подвыпив,
что-то обсуждают горячо.

Время соль на раны чьи-то сыплет,
холм Монмартра поднят,
как плечо
города.
Внизу—огней движенье.
Сверху—неподвижность звезд и лун...

Время, неподверженное тленью.

Может, этот город – просто лгун:
ведь ему – за тысячу.
А—молод!
А еще—красив, вихраст и юн.

Moulin Rouge.

Меня волнует холод
этих бесконечных звезд и лун.

А еще волнует, что у двери
тень Моне,
и Модильяни—с ней,
что извечной лжи во сне я верю :
днем мне с ней и проще, и ясней.

Все забыто:
годы и невзгоды,
с неба вниз спускается квартал,
и несет влюбленных к небосводу
худенький подросток Марк Шагал...

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Все реже ходят помолиться.
Все чаще – просто поглазеть.
И только верные мне птицы
на камне любят посидеть.
Птиц не пугают ни химеры,
ни короли, ни ветерок...
А люди суетны без меры:
у них – короткий век и срок.
Глядят они не в глубь событий,
а по поверхности скользят.
Давно не делают открытий –
лишь бросят мимолетный взгляд.
У каждого – своя дорога,
своя планида, смех и страх.
И лишь немногие из многих
увидят скрытое в камнях
и различат сквозь пыль столетий,
что предки строили меня,
живя в клетушках и подклетях,
дрожа от стужи без огня.
Они любовно вытесали
вручную камни для стены,
и пыль от статуи глотали,
и кровью кашляли они.
Для витражей варили стекла –
не блекнут краски до сих пор...
Вся жизнь тогда была прогорклой,
как был прогорклым пот из пор.
Все-- для того, чтобы потомки
ценили эту красоту
и устремляли взор свой зоркий
не в пустоту, а в высоту,
чтобы добру в душе родиться,
поэзии всегда звенеть...

Все реже ходят помолиться.
Все чаще – просто поглазеть...

В МЕТРО

Спускаясь эскалатором под землю,
в отделанное мрамором пространство,
и странствуя спокойно под землю,
как и всегда в часы подобных странствий,
не думаем о глине и подвижках,
о валунах, промоинах и грязи,
в которых тот, кто этот путь построил,
не день, не два, а месяцами лазил.

Так точно, глядя на дворцы,
под небом
сияющие пышно и богато,
не думаем о каменщиках в робах,
испачканных,
пропыленных,
измятых,
не оттого,
что равнодушны к людям,
к их тяжкому труду –
а так ведется,
что каждым соли пуд откушан будет,
а сладкое – потомкам достается...

ПЕСНЯ НА УЛИЦЕ МОНМАРТРА

У Монмартра,
в толпе молодых,
где целуются юные пары,
под негромкие песни гитары,
вся -- во власти мелодий своих,
пела девушка.

Черный футляр
обходили прохожие тихо.

Песни пелись то грустно, то лихо,
робко тлел в них особенный жар.

Слов картавых не в силах понять,
все же замер,
и слышал,
и слушал
то Эдиты бессмертную душу,
то Матье задушевную страсть.

Вниз две улицы шумно неслись,
морем света Париж разливался,
и Монмартр под песню качался
вверх и вниз,
вверх и вниз,
вверх и вниз...

ПЛАВАНИЕ ПО РЕКЕ САОНЕ

По бургундской реке Саоне,
мимо сел краснокрыших и замков,
вдоль лесов, изумрудно-зеленых,
и полей в обрамлении маков,
поднимаясь ступеньками шлюзов
к небу синему ближе и выше,
сбросив за борт будней обузу,
мы плывем – и свободно дышим.

Так дышалось в самом начале,
где еще – ни обуз, ни печалей...

Перед нами—зеркальные воды,
позади – беспокойные волны.
На душе – ощущение свободы
и спокойствие вод Саоны.

Мне другие припомнились реки,
и соломенных крыш желтизна,
под которыми век за веком—
лишь нужда проживает одна.

Там такие же добрые люди
невеселые песни поют,
и другие красивые реки
свои светлые воды несут...

По бургундской реке Саоне
мы плывем – беглецы из прошлого,
но невольно мы в прошлом тонем –
много липкого в нем и пошлого:
даже тут,
где Саона искрится,
от него нам, увы, не скрыться...

ГАЛАТЕЯ И ПИГМАЛИОН

Мрамор в свете свечей желтеет,
тени тихо пляшут в углах...

Перед скульптором—Галатея:
неподвижность в пустых глазах.
Удивительное создание:
вся—изящество, красота...

Может, если ей дать дыханье,
вмиг исчезнет глаз пустота?

И взмолился.
И к Богу руки
протянул в жаркой просьбе он.

И она ожила!

На муки
и терзанья, Пигмалион.
Потому, что в прекрасном теле
зрелой женщины—детский ум.
Хороша она для постели,
а душе она—как самум:
ни ростка вокруг,
ни ответа...

Ждать, пока подрастет—невмочь.

На стило наложено вето.
И никто не в силах помочь...

Х

Х

Итальянские залы.

У картин Боттичелли
понимаю:
столетья прошли мимо цели,
потому что не стал человек ни умней,
ни на йоту красивей,
ни на йоту честней,
и не взятой стоит до сих пор высота—
Боттичелливых гордых Мадонн красота.

ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТИ ПОЭТОВ

В памяти художника—поэта
лица дорогих людей—в движеньи.

Их глаза меняют выраженье,
в них – игра негаснущего света.

Помнятся подвижными, живыми
те, кого давно уж с нами нет.

И, как экстрасенс, порой поэт
тихо разговаривает с ними...

X

X

Будут новые стихи.
Будут новые холсты.
Жизнь продолжится без нас, хороша.

Незаметно для творцов
в каждой строчке – я да ты,
мое сердце и любимой душа.

Так во всем, что я пишу,
что успею написать
мои прадеды незримо живут,
хоть об этом я и сам
не могу порою знать...

Но откуда эти строки текут?...

X

X

Завистников на свете
в избытке почему-то.
Вглядишь в толпу внимательно:
они повсюду есть.
И каждому Сократу
дана своя цикута –
охотников подать ее,
увы, не перечить...

Х

Х

Не родится мой стих
в шуме дружеских встреч,
не родится на майском веселом застолье,
а родится в минуты раздумий и боли,
от которых не в силах себя уберечь.
Он рождается вдруг посреди тишины,
где под окнами бродят неясные тени...

Но без дружеских встреч,
без застолий весенних
не нашлись бы слова,
что для строчек нужны...

ЕСЛИ БЫ

Если б помнились неизменно нам,
не терялись среди пурги,
наших девушек
драгоценные
звонкопесенные шаги,
если б не становились привычными
их сияющие глаза –
жизнь текла бы тогда отличная,
от которой устать нельзя.
Годы не были б тяжким бременем,
мир не знал бы завидней судьбы...

Если б не остывать со временем...

Если бы...

Если бы...

Если бы...

X

X

Перед вечностью неба постой,
под мерцаньем светил отогрейся,
словом – колосом спелым налейся,
чиркни молнией над пустотой.
Час раздумья пред ликом светил...

Так веками стояли поэты.

Пусть не колосом спелого лета –
только словом ты мир одарил,
но оно пролетело вдали
и погасло, как молнии вспышка,
чтобы новое без передышки
родилось над пространством земли...

X

X

На погостах старинные храмы
задевают печалью живых:
штукатурка облезла,
а рамы
без стекла – что глаза у слепых.
Запустенье.
Легко было рушить –
тяжелей из развалин поднять,
в эти храмы вдохнуть наши души,
а от храмов душевное взять.
Ветер осени дует упрямо,
в пыль разбиты дожди ноября.

Стороною старинные храмы
год который обходит заря...

ЧЕХОВ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Вишневые сады повырубали.
Шкафы в буржуйках в холода сожгли.
У быстрых чаек крылья обкорнали,
чтобы взлетать без спроса не могли.
Для тех, кто жить пытался, не робея —
такие появляются всегда!—
мгновенно отыскался Пришибеев.

И длилось это долгие года.

Х

Х

Наступит день,
настанет час—
напишут сказку и про нас.
Напишут:
--Жили-были,
дышали и любили...

Так пишем мы о дедах,
так пишем мы о бабах...
Мы помним их победы,
а меньше—те ухабы,
которых было много
на жизненных дорогах.

А надо было б помнить
и радости, и беды,
и то, как кости ломит
у сказочного деда.
Все написать, как было.
Найти живые краски...

Но это будут --были.
А внуки любят—сказки...

ФАВОРИТЫ

Участь фаворита незавидна:
нынче ты обласкан, завтра – нет.
То, что будет через час – не видно.
То, что было – как угасший свет.
Мир, ему завидующий, вскоре
отвернется мигом от него.

Боже мой,
как мило быть в фаворе!
Боже мой,
как мерзко быть в фаворе!

Не поймешь, то радость или горе –
ласка господина твоего...

Фаворитов сладостные лики,
судьбы их...

Трагичный маскарад.

Вот приходят новые владыки –
угодить им вновь и вновь спешат.

Мир великосветских проституток.
Ставка бесконечно высока.

А на что растрочен бег минуток?
На позор шушуканья и шуток
да еще –
на ход тяжелых суток,
на пустыни стен и потолка...

“ У Л И Д И И “

В ресторане “ У Лидии “
хороши были мидии,
и блины были сочными,
и икорка свежа.

Вместе с новыми русскими –
дамы с юбками узкими.
Запотевшие рюмки,
и семга – с ножа...

Люстры сыпали искрами.
Смех был громким и искренним.
Тут гуляли хозяева ночь напролет.

Но, как тени, маячили
всюду хмурые мальчики,
от соперников ревностно охраняя господ.

Х

Х

Принарядили церкви.
Обновили.
Над куполами – новые кресты.
А те, кто церкви столько лет крушили,
целуют образа...

Но как пусты
и лицемерны их глаза!
Покуда
в них без рентгена видится Иуда,
готовый, если выгодно, опять
Христа
за горсть монет в момент продать...

НА ОКРАИНЕ ТИХОГО АВГУСТА

На окраине тихого августа,
в год, когда не задалось лето,
и была любимая где-то,
и текли недели без радости –
на опушке около осени
мне писалось легко и весело,
а под неба высокой просинью
осень проседь свою развесила...
В лето то, мальчишка восторженный,
полюбивший впервые отчаянно,
вдруг осмыслил, как много вложено
в строчки сердца, надежд и чаяний...
А еще осознал навечно я,
что стихи без души не пишутся,
и должны мои строчки сердечные
тем дышать, чем сегодня дышится...

Х

Х

Твой быстрый шаг, и звонкий смех,
и удивительная легкость,
с которой увлекала всех...
И все-таки была неловкость
во мне от легкости твоей
победы быстрой надо мною:
всего каких-то десять дней,
а я тобою, как весною,
был очарован и пленен,
и позабыть уже не в силах
ни явь тех дней, ни сладкий сон,
в котором ты со мной бродила
в конце апреля по садам,
где вишня яростно белела,
где так легко любилося нам,
а после – тяжело болело.

У “ПИЕТЫ” В СОБОРЕ СВЯТОГО ПЕТРА

Сын – на коленях матери.

Скорее!

А вдруг воскреснет и вернется вновь!

Не постарела мать.

Так не стареет
веками материнская любовь.

Моя, земная мама, постарела.
А вот Мария, как и сын, юна...

Мечта, наверно, подсказать сумела
внятно видение из сна.

Стою, растроган.
Маму вспоминаю:
улыбку, голос, руки, взгляды, бровь...

И с радостной надеждой понимаю,
что где-то рядом мамина любовь.

ВЕНЕЦИЯ

Я чувствовал себя, как новосел
под небом, что Господь, шутя, повесил:
собор Святого Марка пышно цвел,
а город отчего-то был невесел –
возможно, от угрюмых туч вдали,
что с моря надвигались на Пьяцетти,
а, может, оттого, что тучи эти
так много странных дум ко мне несли...
Носились стаи голубей кругом,
вода была в каналах грязноватой,
туристы суетились.
Но куда-то
поток их утекал...

Ударил гром.
Я спрятался в момент под колоннаду
дворца, где дожи собирались.
Тек
вокруг меня по мостовой поток,
и посвежевший воздух был наградой –
все слилось воедино: небо, Марк,
канал, лагуна, старые кварталы,
все так переливалось, так сияло
и веселило сердце мое так,
что полюбилось вдруг...
Адам и Ева,
промокшие, смотрели со стены,
своею наготой не смущены.
С Пьяцетти смыло голубей, как пену.
Дождь быстро пробежал. Я тихо брел
по улиц бесконечным коридорам.
Дворец Леони... Дарио... Ка д Оро...
И чувствовал себя, как новосел,
которому легко и интересно,
поскольку нов весь мир каналов тесных...

Собор Святого Марка пышно цвел...

В ЛОНДОНСКОМ ПАРКЕ

Залюбовавшись парком и покоем,
напевом трав и листьев успокоен,
я по дорожке не спеша иду.

А слева – Питер Пэн на пьедестале,
а справа – двух дворцов громады встали,
а впереди – два озера сверкали,
и думалось легко мне на ходу.

Кто мог поверить лет тому пятнадцать,
что я смогу по Лондону шататься,
что я в Париж приеду,
что и мне
доступны станут легкость и свобода,
что этот парк под вековые своды
аллей возьмет меня –
и в тишине
я вспомню то,
о чем читал когда-то,
о чем в сожженном Минске виновато
мечтал,
как о совсем других мирах
мечтает астроном...

И вот – свершилось!

Преобразилось все.
Все закружилось.
И рабство чудом обратилось в прах.

А с озера два лебедя взлетали...

Жаль, мама с папой воли не познали...

ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО

Рубили головы.
Сажали на колы.

А нынче-- рядом мирно спят в аббатстве.

Но в этом мертвом кажущемся братстве
среди тишины и зыбкой полумглы,
когда туристы удалятся прочь
и наступает, наконец-то, ночь
порою бродят беспокойно тени
то Кромвеля, то Карла,
а потом
Марии тень протиснется с трудом
к Елизавете...

И в немом сплетеньи
стоят они.
И до утра вокруг
качаются, невидимые нами,
кто был увешан щедро орденами,
и кто в немилость впал когда-то вдруг...

А днем туристы слушают рассказы
бесстрастных гидов, не узнав ни разу,
что в крипте—вся история страны,
ее надежды, страсти и крушенья,
и чтоб познать все это, без сомненья,
Шекспиры лишь и Байроны годны...

И возле звезд качаются едва
готические чудо-кружева...

ЛОНДОНСКОЕ СИТИ

Банки – в мраморе.
А клерки –
в галстуках и пиджаках...

Вечер, словно в фейерверке,
в разноцветных огоньках.
Даже яркие рекламы
неторопки иногда.

Господа идут и дамы,
с ними рядышком—года.

улицей текут машины
вместо вымерших карет.
И шуршат негромко шины,
и скользит по лицам свет.

И годами, и веками
незаметно где-то тут
реки денег рядом с нами
все текут,
текут,
текут...
Словно кровь живая – в венах,
словно кровь-- из чьих-то вен...

Непрестанно.
Неизменно.
Без особых перемен.

ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ

Вдруг снова подтвердилось, что
все разнится, и все прекрасно:
Аббатство в Лондоне, Шато
де Виль в Париже. И на Красной—
собор, и шумная Москва.
И в Петербурге—Исаакий.
Собор Святого Витта в Праге,
соборов Рима кружева.
Мне никогда не сосчитать
места, где радовалось сердце,
где так душе хотелось петь и
над миром птицею летать.
Так, много лет ко мне во сне
приходят зимними ночами
ступеньки Яффы, где тенями
святые бродят. Снятся мне
Нью Йорк и две горящих башни,
соборы Вильнюса... А то
Минск—не сегодняшний, вчерашний,
среди развалин – шапито...
И благодарен я душою,
что где-то в жаркой Бухаре
вдруг купола передо мною
цвели на утренней заре.
Жизнь подтверждала, к сожаленью,
что есть различия притом:
вложив в прекрасное свой гений,
мы и уродство бережем.
И нищета домов-развалин,
и пышность городов иных –
две стороны одной медали,
коллекция путей моих.
Так, в Лувре или Эрмитаже
соседей в ином холсте
в шелках – хозяева, их стражи –
в железе, и в лохмотьях –те,
кому не повезло. Все вместе
они причудливо слились,
создав навечно, честь по чести,
мою единственную жизнь...

X

X

В избранных,
отмеченных талантом,
всякий рад пальнуть из-за угла...

Но судьба талантливым дала
мужество и выдержку Атлантов:
раненные,
все-таки они
продолжают трудную дорогу,
тем, кто в них стреляет, понемногу
облегчая будущие дни.

X

X

Есть у каждого вечное право
на сомнение и веру, конечно.

Что кому-то придется по нраву,
то другим станет болью сердечной.
Что кому-то покажется песней,
какофонией кажется прочим.

Усомнись!

Станут дни интересней
и бессонно-тревожными ночи...

X

X

В королевстве, где правит Поэт,
только строки да строки вокруг,
нищета выползает на свет
и принцессой становится вдруг.

Там над жертвами сжалится враг,
там из снега цветы прорастут,
превращается в замок барак,
одинокое счастье найдут.

Там мелодия спета без нот
и звучит в каждом тесном дворе.
Там Поэт, словно птицу в полет,
запускает перо на заре.

Там несчастный в мороз обогрет,
там накормлен голодный всегда...

В королевстве, где правит Поэт,
вмиг бессильною станет беда.

X

X

Когда из пены Афродита появилась,
над синим морем солнце засветилось,
и день счастливой гордостью блистал:
еще одной красавицею милой
на свете больше в это утро было,
а это значит:
мир прекрасней стал.

Х

Х

Не хватит спички, чтоб разжечь костер,
и греться у огня, и греть других,
и дотерпеть до теплых майских зорь
и до ветров, веселых и тугих.
Нужны костру, конечно же, дрова.

А мне, поэту, жаркие слова...

ПОЭТ – РОМАНТИК

Глядел на мир через цветные стекла,
но только не сквозь черное стекло.

Ему, конечно, в чем-то повезло:
ничто на свете не бывало блеклым.

И лишь когда снимал на миг очки,
все тут же разбивалось на куски,
и черно-белым становился свет...

И был тогда беспомощным Поэт.

X

X

Черкать – и опять писать.
Что напишешь – сокращать,
чтоб ни лишнего словца
от начала до конца.

В этом – сладкий труд поэта.

Никакого нет секрета...

X

X

Если вечной пребудет душа --
и поэзия вечной пребудет,
потому что строка хороша
лишь духовностью,
свойственной людям.
Потому что поэзии нет,
если нет в ней души, без сомненья.

Умирает однажды поэт.
Остаются нам стихотворенья...

X

X

Одиночество сводит на нет
все, о чем написал поэт,
потому что соавтор – тот,
кто стихи прочтет и поймет...

X

X

Хочу ли путь начать с азов
и что-то изменить?

Наверно...

Но жизнь прошла не так уж скверно:
и роз хватило, и шипов...

X

X

У всех – свои писатели.
У тех – свои читатели.
И у меня, конечно же,
любимые свои...

Листаю книги ночью я,
пишу в блокноте молча я.
А за окном – тьма полночи,
а в сердце – соловьи...

X

X

На легкое похмелье рассчитывать не стоит:
расплачиваться нужно за каждое веселье.

И все же мир тоскливый кого из нас устроит?
Мы входим в жизнь как в праздник,
а в день – как в новоселье.

X

X

Неистребима глупость. Вновь и вновь
повторятся ошибки. Возрастает
лишь плата за надежду и любовь.
А глупость снова глупость порождает.
Неистребимо зло. Оно опять
рождается с грядущим поколением.
Но плата продолжает нарастать –
и станет неоплатной, без сомненья...

X

X

Туман не подарок, конечно:
в тумане легко заблудиться.
Но, к счастью, туманы – не вечны,
и ветер подует опять,
и мир засияет беспечно,
и небу над нами – светиться,
и солнцу над нами – сердечно
до новых туманов сиять...

X

X

Нет в душе ни покоя, ни лада...
Неожиданной силе любви
под шуршанье ночных снегопадов
рвать в клочки сновиденья мои...

X

X

Стихов написано так много
талантливых, что нынче нам
почти не отыскать дороги
к еще нетронутым словам.
Но все же есть и нам везенье:
неисчерпаемо нова,
жизнь по-иному, без сомненья,
расставит старые слова.
Она по-новому расцветит
любовь и ненависть опять,
и мы, как маленькие дети,
продолжим строчками играть.
И новой женщины дыханье
щеку поэта обожжет,
и новых листьев колыханье
нам песни новые сплет...

X

X

Все, чем кисть покрывала холсты,
чем перо заполняло страницы –
лишь попытка достичь высоты,
улететь от земной суеты
и пропеть, как счастливая птица,
славу жизни.

За автором вслед
зритель или читатель взлетают
высоко над разливами лет –
и предела полетам тем нет,
и секреты им жизнь раскрывает...

Х

Х

Наставники—поэты научили
понять язык деревьев и камней.
Стихи, как жизнь, сластили и горчили,
с вершин свергали,
к небу возносили,
то крыльями моими строки были,
то к месту вдруг меня они гвоздили —
все было в жизни солнечной моей.
Их томики любовно открывая,
я у поэтов вновь учусь, как жить,
и в маленькое сердце помещаю
снег января,
цветы мальчишки—мая,
в нем-- лета сад и нива золотая,
и осени серебряная нить.
И благодарно я шепчу поэтам:
спасибо вам, наставники, за это...

ФИГУРИСТКА

Пиши на льду овалы и круги,
аплодисменты вызывай у зала
прыжком высоким,
взмахом ли руки,
иль музыки таинственным накалом.
Ток передастся зрителям.
И вот
цветы со всех сторон на лед упали,
прикрыв собою твой горячий пот —
что зрители увидели едва ли...

ЧИТАЯ ТОЛКИЕНА

Предчувствую, что Хоббит победит,
поскольку эльфы с ним,
и люди—тоже.

Предвижу: зло в огне Горы сгорит.

Но снова оживет оно, похоже:
уже не раз оно побеждено—
и все-таки из пепла возрождалось.

Жить никому без зла не суждено,
и каждому его с лихвой досталось.
Вот и теперь всеуще Зло.

Оно
сжигает, убивает, режет, рушит.
И эльфов нет.
И распри, как назло,—
в делах, поступках, языках и душах.
Нам надо бы вновь стиснуть кулаки
и бить по Злу, пока еще не поздно!

Но, разуму и смыслу вопреки,
мы сами гасим тлеющие звезды...

Х

Х

Властительница леса и прекрасна,
и величава, и – к тому—умна.
На Фродо только глянула она –
и путь открылся ей, и все ей ясно.

А Фродо-то волнуется, чудак,
он падает, он трусит, он храбрится,
он сам не знает, с кем ему сразиться,
и что он любит, и чего боится,
что предстоит ему...

Из передряг
он выберется с честью, без сомненья, –
и Зло погибнет, воцарится Свет...

Ах, кто бы дал и мне такой совет,
как избежать мне в жизни поражений,
которых много больше, чем побед?...

Спрошу, – и тихо лес шумит в ответ...

Х

Х

Смотрю американское кино
с его благополучною развязкой.
Чтоб ни было, в конце,
как в старой сказке,
герои побеждают все равно.
Их слезы отливаются врагам,
мечты осуществляются, конечно.
Прекрасна героиня и сердечна.
Герой надолго входит в сердце к нам.
Ах, Голливуд! Ах, грезы и мечты!
Когда бы все, что хочется, сбывалось!...
Но на экранах CNN взрывались
дома, и в реки рушились мосты...

« РУССКОЯЗЫЧНЫЕ » ПОЭТЫ

Говорим—и при этом слегка
мы на «Г» нажимаем подчас:
белорусского языка
след навек остается в нас.

Говорим, чуть картавя порой,
и к тому ж—нарастяжку слова:
это идишь неясной игрой
где-то в сердце живет едва.

А родной нам—русский.
С весны
и до самой поздней зимы.
Мы на нем лишь видели сны,
и на нем лишь мечтали мы.

На английском же—русский акцент,
построение наших фраз...

Нас года не изменяют, нет –
крепко слито все это в нас.

Незаметно для нас самих
в нас столетний коктейль кипит,
многослойный и страстный стих
на огне нашей жизни бурлит...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

На Йомкипур,
на Судный день,
когда решается судьба,
отбросим прочь и дребедень,
и суету,
и жизнь раба.
Мы с Богом будем говорить
открыто в этот день и час,
поскольку невозможно скрыть
и малое от Божьих глаз.

На Йомкипур,
на день Суда,
помянем мы своих родных,
любивших верно нас всегда,
когда и мы любили их.
То время было золотым,
когда – ни боли, ни потерь.
То время было молодым.

Но постарели мы теперь.
С Судьей своим наедине
стоим мы в талесах.
И ждем.

Блик солнца на моем окне –
надежда на пути моем.
И золото листвы горит.
И наползает вечер, хмур.
И нас Творец еще простит
на Судный день,
на Йомкипур...

ИДИШ

На языке, который я забыл,
мне бабушка моя когда-то пела.
И дедушка со мною говорил
на языке, уже забытом мной.

Пришла война.
И бабушку убил
фашист.
И песня больше не звенела.
И дедушка себя не отмолил.
Уже давно он спит в земле сырой...

Из жизни идиш испарился вдруг...

Все в доме лишь на русском говорили.

Но вот мотив однажды прозвучал
в концертном зале.

И тогда воскресли
над колыбелью-- голос,
лунный круг,
язык любви—они меня любили.
И бабушка—начало всех начал,
и дедушка,
и старенькая песня...

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ У СТЕНЫ МОНАСТЫРЯ. ИЗРАИЛЬ

Где у колодца – Богородица,
вода и в зной прохладой полнится,
и в засуху не переводится:
всяк оживет и успокоится...
И с наслажденьем превеликим
ту воду пьют под Божьим ликом
христианин, еврей, араб.
И я, другого Бога раб,
ее испил, от жажды спасся,
монастырем любовался,
на миг почувствовал себя
твореньем Бога – Человеком.
И вдаль ушел, людей любя,
колодец в трудном, давнем веке
создавшим на Святой Земле.
Был полон радости и света,
не зная, что в подвале где-то,
в коварной зыбкой полумгле
шахида пояс под халат
одел очередной фанатик,
и сам я, иль мой друг, иль брат
погибнем нынче на закате,
и снова кровь уйдет в песок
и окровавит небо к ночи.
Тут сладко пить. А жить – не очень:
наполнен ядами Восток...

А Р А Ф А Т

Бог этой гниде выдал все сполна:
лицо убийцы и глаза лгуна.
Но не учел: весь мир на том стоит,
что сыщется поддержка каждой гниде,
и миллионы чуть поменьше гнид
и в этой гниде красоту увидят...

X

X

Когда станет земля безнадежно сухой, и при том
вся сухая листва облетит на пески на рассвете—
вот тогда-то мы вспомним о Боге,
его непослушные дети,
и начнем умолять одарить нашу землю дождем.
Будем клясться любить.
И смягчится Создатель тогда:
дождь ударит по крышам,
и станут поля колоситься,
и листва зашумит, и затенькают весело птицы—
и обеты свои мы забудем опять, как всегда...

X

X

Бог милосерден: дождь идет!
И будет всем воды в достатке.
Тростник легко качнется, сладкий,
и хлеб в полях стеной взойдет.
Нальется силой Иордан,
с горы вприпрыжку пронесется.
Идут дожди. Народ смеется:
дождь каждому на счастье дан.
А на Хермоне, у небес,
за тучами, поближе к звездам,
ложится снег.
И ночью поздней
поет о чем-то ветер здесь.
Вновь утро шлепает по лужам,
и новый день уже растет.
Бог милосерден.
Дождь идет!
Хлеб будет.
Был бы мир к тому же...

Х

Х

С тель-авивской мостовой
смоют кровь детей убитых,
и бесланская земля
быстро кровь детей впитает.
Кто-то рухнет от беды.
Кто-то глянет в ночь сердито.
Кто-то мигом все забыл и потом не вспоминает...
Где-то – горе навсегда.
Где-то-- пляшут и смеются.
Чей-то следующий сын на убийство вновь идет...

Облака вплывут в рассвет – и туманом обернутся.
Потепленье на земле.
В черных душах —черный лед...

БУКВЫ

Конечно же, первые буквы
писались на рыжем песке
Синайской пустыни, где будто
заходится сердце в тоске.
Конечно же, их осторожно
на камне потом выбивал
кочевник, который, возможно,
прапращуром Ганкиных стал...
Он даже не думал, конечно,
о том, что сквозь тысячи лет
от букв будет литься сердечный,
простой и живительный свет,
что их нанесут на пергамент,
что сложится Тора из них,
и станет на этот фундамент
поэта загадочный стих...

К И П А

Чуть прикрыла темечко лысое кипа.
Как она на темечке держится пока?!

На кипу еврейскую мода не слаба:
три тысячелетия, долгие века...

В мире все меняется. В мире все течет.
Есть немного вечного.
Это-- вера в Бога.
Книга Книг, конечно же.
Да кипа живет.
Да еще-- еврейская тяжкая дорога.

Х

Х

История местечек – мифология,
легенд далеких музыка и дым...
Кладбищ еврейских памятники строгие
растасканы по кладбищам иным.
Кипа уже не встретится на темени.
А идиш стал старинным языком.

Пройдет еще совсем немного времени,
еврей для русских будет незнаком.
Уйдет. Ассимилируется полностью.
Найдет другие страны, города...

Но на кого ж валить все беды—горести
в России будут жители тогда?..

Х

Х

Убиты невесты и их женихи.
Прострелены скрипки.
Оборваны струны.
И все мудрецы из местечка Щедрин
вповалку—во рвах...
Такова их фортуна.

Здесь хулы не празднуют.
К Пуриму тут
давно не пекут гоменташа хозяйки,
поскольку с гостями во рвах они спят,
а скрипкам на смену пришли балалайки.
Но бабушки тень иногда проскользнет.
Но юные братья отца соберутся...

И лишь на полотнах Шагала еще
влюбленные к звездам летят и смеются...

Х

Х

В часы, когда на улицах горбатых
взрывается очередной шахид,
хранитель—ангел тихо, виновато
над телом изувеченным стоит:
увы, он ничего не смог поделать,
он даже не успел сообразить,
что паренек в простой накидке белой
спешит к детишкам, чтобы их убить...
И где такие боги существует,
кому по нраву будет смерть детей?!...

И ангелы-хранители, тоскуя,
из дымных выбирают сетей...

X

X

В истории бесчисленных народов
есть истина бесспорная:
все ждут
Мессию век за веком, год за годом,
а вот Иуды рядышком живут...

X

X

Мне покоя выпадало мало:
протрясло,
проветрило,
промяло,
вытряхнуло,
взбило,
повело –
с этим мне безмерно повезло.

X

X

Поутру петух зарю кричит.

Нам в дорогу, старые поэты!
Утро ветром душу молодит.
Так уже сложилось: хочешь, нет ли –
час рассвета выше всех наград.
Дню открыт, как был открыт когда-то!...

Не горюю, что уже к закату
перья петушинные летят...

МЕЧТА И ЯВЬ

У поэта есть перо.
Есть у Шлимана лопата.
У банкира – серебро.
А точнее—злато.
Дан солдату автомат.
А врачу—лекарство.

Рай!
Ты счастлив и богат
в личном государстве.
Рай... Ни пуха, ни пера!
Каждому – удача...

Но, увы, пришла пора
жить совсем иначе:
есть перо – поэта нет,
он убит солдатом.
Наплевал на Трою свет
наш придурковатый.
Врач бессилён: время вновь
лепит новый вирус.
И продажная любовь
в танце закружилась.
В банках золото лежит
бесполезной грудой.
А банкир над ним дрожит,
как над вечным чудом.
Нынче, так же как вчера,
властвуют подонки...

Рай.
Ни пуха, ни пера.
Шаг пехоты звонкий...

X

X

Запылились иные истины –
их под пылью веков не сыщешь.
Люди мечутся в новом поиске
тех же самых избитых истин.
Осень новая сыплет листьями –
так транжирит богач тысячи.
А весна порождает тысячи
ничего не знающих листьев.

Все бы было не так уж и страшно,
если бы не цена ошибок,
если бы не потери наши,
избежать которых могли б,
если бы не упрямство наше,
не ехидство юных улыбок,
а желанье:
поднять истины
из густой вековой пыли...

X

X

Между строками, написанными прежде,
и написанными нынче на заре –
общее:
тревоги и надежды,
и доверье к утренней поре...

X

X

На шахматной доске судьба солдат –
итти вперед,
не отступать назад.

А чуть постарше чин –уже ему
позволено туда-сюда метаться,
за спинами солдат порой скрываться,
ретироваться и рокироваться –
а пешкам дать свободу – ни к чему...

Как в жизни...

Ты, солдат, шагай вперед,
куда тебя гроссмейстер поведет,
и только самый мудрый полководец
от гибели и пешку бережет...

X

X

Придет когда--нибудь мгновенье
переоценок и находок:
вдруг на историю посмотришь
с иных годов, с иных высот...

Так новый берег открывался
когда-то людям с утлых лодок,
и кто-то строил жизнь навечно,
а чья-то жизнь водой – в песок...

X

X

Счетчик стучит.
Прибавляет года.
Вертятся дни, и недели, и месяцы.
Март начинает с капли всегда,
вьюга январская воеет и бесится.
Шепчет трава.
Реки песни поют.
Виснут сосульки с заснеженной крыши.

Цены грядущего выше и выше.

Цифры на счетчике быстро растут.

X

X

В музее, где глядят на нас,
бездумных,
лики
богов,
богинь,
жрецов и жриц
со всех картин,
на несколько часов останусь я один,
их взгляды принимая словно блики
давным-давно угаснувших огней –
и ощущаю, как я все же связан
со всем былым.

И становлюсь я сразу
секундочкой в живой цепочке дней...

X

X

Дни, как шарики, взлетели
высоко за облака.
Ярко желтые блестели,
жарко красные горели,
голубые нежно тлели,
видные чуть-чуть пока...
Позже шарики ветрами
унесло, в конце концов.
Не было уже над нами
ничего. Дни стали снами.
И не стало над полями
шариков и облаков.
Но зато сияло солнце –
шар, который остается
с нами до скончанья дней.
Но зато луна светила.
И душа еще хранила
в памяти все то, что было
в жизни радостной моей...

X

X

Бог дал мне счастье
со стихами просыпаться
и со стихами часто засыпать...
Деревья начинают осыпаться,
снег начинает утром выпадать, --
а я опять блуждаю вместе с Музой
в стране, где – то трагична, то ясна! –
живет и не становится обузой
поэзии счастливая весна.

КРУГ БЕЛОГО ОПАЛА

X

X

Липа быстро отцвела.
Роза у крыльца опала.

Кругом белого опала
по небу луна плыла.

Там и лето отцветет,
там и осень отплывет.
И тогда на лес и поле
снег неслышно упадет.

Как-то жалко, что ушло
время быстро, незаметно...

...Липой пахнущее лето,
неба синего стекло...

X

X

Когда цветут и вишни, и черешни,
когда восходит майская луна—
вновь счастлив я,
веселый юный грешник,
хоть голову венчает седина.
Хмельные соки в сердце ударяют,
и поцелуи прежние опять
во мне поют, бунтуют и играют,
и гонят в ночь,
и не дают мне спать.
Ищу я глаз таинственную просинь,
в которой в годы прежние тонул.

И что мне годы, что зима и осень,
когда мне май весну опять вернул!

X

X

В первоначальный миг движенья сока,
в тот час,
когда ключом бьет жизнь вокруг,
наверно, и змее бывает одиноко,
яд ей самой осточертеет вдруг.

Так верится в добро
в минуту пробужденья,
что – если бы сумел!—
как мотылек помчал
на теплый свет луны,
в ольховое свечение,
и крылья грел у звезд,
и о любви молчал...

РАННЕЕ УТРО

Какая-то птица кричит:
--Быть- быть!...

И я просыпаюсь.
Слушаю птицу.

Есть сила во мне.
И готов я плыть
по новому дню,
по чистой странице.
Как птицы,
листья в заре купаются.
Птичья песня к небу взлетает.

Легко ли, трудно — жизнь продолжается...

Птица поет.
День наступает.

Х

Х

Зайду в тупик в исканиях своих.

Среди цветущих вишен и черешен
вдруг усомнюсь в безгрешности святых,
поскольку сам—неисправимо грешен.

Х

Х

Памяти наперерез –
прямо через зимний лес,
через осень,
через лето—
в май, огнями разогретый:
развеселый месяц май,
при-ни-май!

Принимай таким, как есть—
я в тебя вливаюсь весь,
я в твои ручьи гляжу,
в синеву твою вхожу,
песню чистую твою
я пою.

И храню в душе при этом,
что любил зимой и летом.

Но, окутан синевою,
я сегодня—только твой.

Здравствуй, развеселый май,
при-ни-май!

Х

Х

Все дорогое сохраняю в целости,
годам и капли не хочу отдать.

От счастья юности
до счастья зрелости
рукой подать.
Рукой подать...

Так от истока и до устья самого
неразделима и на миг река.

Неразделим и я.
Из часа малого
течет тропа моя,
течет пока...

Порою – ладная,
порой—нескладная,
судьба моя—мне с нею не пропасть!
К потоку времени устами жадными
спешу припасть.
Спешу припасть...

И сам я глубже стал,
и, может, лучше стал,
впитал и солнца свет,
и лунный свет.
Почем фунт лиха знал,
и путь на кручу знал,
такое счастье знал, что выше—нет.

Но не насытился, не успокоился,
круговороты дней влекут опять.

И недоступные, как в детстве, полюсы
мешают спать.
Мешают спать.

X

X

В Радошковичах давным – давно в лесу
собирались на поляне мы с друзьями,
где черемуха цвела,
и рядом с нами
жадно пил рассвет с травы росу.
Соловьи там заливались до утра:
пела с нами нашей юности пора...

И ведь сколько лет прошло! – а не забыть
Радошковичи, черемуху, палатки,
свет звезды – серебряную нить,
и от листьев тени – как заплатки,
лица молодых друзей моих,
песни у костра,
мой первый стих...

X

X

В те минуты,
когда ускоряется сердце,
а душа взлетает до звездных небес,
ты опять – костерок,
от которого греться
дал мне Бог
среди многих дареных чудес.
А когда на мгновенье
прервется дыханье,
и дыханье твое оборвется в ответ –
начинается снова мое ожиданье
новой встречи с тобой
среди оставшихся лет...

НА БАЗАР

По июлю, по жаре,
по брустчатке, скрытой
в тополином серебре,
лето едет на заре
на конях сердитых.

Для коней нелегок путь:
в ноздри пух забился.
Но назад не повернуть:
на возу не что-нибудь,
а – лучок с редисом.

Рядом рыжий пес бежит—
старый друг возницы.

Тополиный пух летит,
солнце весело палит,
распевают птицы.

Так и завершили кросс
посреди базара
кони,
тополиный ворс,
добродушный рыжий пес
и возница старый...

X

X

Когда купальские костры
в рассвете юном догорали,
а вдоль березовой коры
лучи рассвета пробегали,--
мы выходили в путь.

И вот
тропа вела лугами, лесом.
Мы слушали, о чем поет
нам жаворонок в поднебесье.

И песни тихие свои
Березина вела игриво.

И сердце, полное любви,
стучало звонко и счастливо.

X

X

Летай, снежок, в январский час,
а тополиный пух – в июле!
Но хоть бы ветры не задули
огонь, несущий свет для нас.
Была бы радость: под снегами
и через тополиный пух
нести в себе лишь светлый дух
и согревать себя стихами.
Не угасало б счастье – вновь
встречаться с добрыми глазами
и понимать, что правят нами
не злые духи,
а Любовь.

X

X

Девчоночка.

Topless!

Идет легко навстречу.

В меня вселился бес, хоть не юнец давно.

Смотрю, как яркий свет ее окутал плечи,

как будто я смотрю запретное кино.

Она юна, стройна, дитя иной эпохи.

И, может быть, она в бесстыдстве и права:

то, что для пожилых бесстыдно или плохо,

прекрасно, если вдруг кружится голова.

Девчоночка прошла.

И я не оглянулся.

А жар еще пылал, нескоро он исчез.

И даже ночью той я пару раз проснулся,

увидев грешный сон – девчоночку topless...

X

X

Мы проплывем по речке бытия
за поворот.

Там все нам интересно.

Но вдруг листва из темного литья
сомкнется,

берега сойдутся тесно,

и камни станут затирать борта,

но лодка будет продвигаться все же--

и станет зелень каждого листа

нам всех богатств земли тогда дороже...

ВОСПОМИНАНИЕ О НОВОГРУДКЕ

Петухи запевали побудку,
солнце спело за нашей спиной.

Мы от Немана шли к Новогрудку
среди пшеницы тропой полевой.
А над городом --то ли башни,
то ль руины обугленных стен,
то ли тени веков проходящих,
то ли блики от телеантенн...

А потом очень долго шагали
мы по улочкам тем, где в домах
новогрудцы еще не вставали—
а дома утопали в садах.

До асфальта добрались нескоро,
беспощадное солнце нас жгло.
Лишь тогда и проснулся город,
впрочем, можно сказать – село...

На горе, что Замковой звали,
посидели на теплых камнях.
Рядом птицы нам распевали,
песни таяли в тихих садах.

Было мирно.
Красиво было.
Путь наш пройденный был открыт...

Башня облачко зацепила...
Тень скользнула вдоль теплых плит...

НОЧЕВКА В ЛЕСУ

Пропахшая лесом и лугом,
в палатке, прижавшись ко мне,
моя озорная подруга
по-детски смеялась во сне.

Лежал я, боясь шевельнуться.
Мой сон улетучился прочь.
Луны серебристое блюдце
над лесом сияло всю ночь.

Мне было обидно немного...

Но так эта ночь удалась:
бродила по детским дорогам
любимая, тихо смеясь.

А листья о чем-то шептались —
их тайны неведомы нам...

Так долго ко мне не являлись
веселые сны по ночам,
что я загрустил почему-то:
хотелось уверовать мне,
что с милой и я в ту минуту
был в радостном солнечном сне...

Х

Х

В окнах – осени тихой пейзажи:
в правом – рыжемалиновый клен,
в левом – ветер причудливо вяжет
нити трав, покрывающих склон...

На вершине холма, где две ели
держат солнце на темных ветвях,
птицы что-то прощальное пели
о сентябрьских задумчивых днях.

Как всегда, возле бабьего лета
грею душу.
И солнечный свет
кистью щедрой мне дарит советы,
как вернуть то, чего уже нет.

И на празднике жизни извечном
в луговой мозаичный простор
стих вплетется однажды, конечно,
тонкой нитью в осенний ковер...

X

X

Становились у суженной
глаза сужеными:
то ли вглядывалась в свет,
то ль искала, в чем секрет
моего счастья
и ее власти...

А секрет открытым был:
суженную я любил
и за взгляд суженый,
и за жизнь, натруженную
многими заботами
да вечными работами...

X

X

Сколько ни сплетай слова
в паутину—кружева,
золотое бабье лето
в ней задержится едва.

Свет в ячейки проскользнет,
зимний холод подойдет,
первый снег прикосновеньем
щеки стужей обожжет.

Но упрям поэт:
опять
станет кружева сплетать
в новой радостной попытке
что в жизни удержать.

Х

Х

Теплый август.
Воздуха ласка.
Небо-- словно бы из стекла.

За бортом теплохода Аляска
в полусвете зари плыла.
Справа было темно.
А слева
розвел на вершинах лед.

Шел на север легко и резво
белоснежный наш теплоход.

Никого на борту не видно:
все четырнадцать этажей
спали сладко, спокойно, мирно...

День полярный рос без дрожжей,
испекая на солнце низком
краски мягкие,
жесткость скал,
ощущение чуда близкого--
встречи с тем, о чем лишь читал:
там бродили герои Лондона
по бегущим со склонов ручьям,
и желтел в старых ситах бронзово
недающийся просто металл...

Набирая поярче краски,
обещая счастливый день,
проплывала мимо Аляска –
старой сказки легкая тень...

СКАГВЕЙ. АЛЯСКА

Через этот городок,
где сегодня – тишь да гладь,
прошумел людской поток
намывателей песка.

Жизнь кому-то удалась,
а кому-то не далась.

Дня короткий перепляс.
Ночи долгая тоска...

Нет ни хижины в горах.
Золота в ручьях уж нет.

Но прижатые к воде городки пока живут,
и романтики сюда за теньями прошлых лет
самолетами летят, теплоходами плывут...

Х

Х

Спасибо, Аляска, за щедрый подарок:
рассвет твой всегда ослепительно ярок.

Спасибо за полдень, который всегда
высвечивал горы с косынками льда.

Спасибо за то, что закаты твои
чисты, невесомы, как строки любви,
за то, что ночами приходят ко мне
все давние тропы и горы во сне,
что снова я молод, и снова я смел,
и снова
к вершине подняться сумел сумел...

Х

Х

Я, она, квартира, спальня,
окна, изморозь, луна,
сердце в грудь—как в наковальню,
юность, нежность, я, она.

Дверь, подъезд, шаги, разлука,
одиночество, тоска,
ожиданье, письма, мука,
безответность, скрип снежка.

Сквер, скамейка, две аллеи –
раздвоение души...

Ни о чем не сожалею:
были чувства хороши.

Стал мой путь дорогой дальней.

Издали как изо сна:
я, она, квартира, спальня,
окна, изморозь, луна...

Х

Х

Жизнь ничему не научила:
каким я был, таким и буду.
Засветится улыбка милой –
я ей обрадуюсь, как чуду.

X

X

Разгадать секрет любви—
препарировать на части
нашу молодость и счастье,
шелест листьев и травы...

X

X

Все бывает. Случится. Стрясется.
Поломается в сердце, в судьбе.

Позови—все, что только найдется,
без остатка отдам я тебе.

X

X

Былое быстро обратилось в тень.
Лишь милая всегда одна и та же:
пленительно-веселая, как день,
и солнечная в час полночный даже.

X

X

Ни надежды. Ни пониманья.
Холодок, текущий по жилам.
И любовь моя на невниманье
натывается, как на шило...

ДОРОГА НА КОЛЬСКИЙ

Параллели на сферу натянуты туго –
так набиты на бочку всегда обручи.
Я домчал незаметно к Полярному кругу
и его незаметно я перескочил.
Рвется дождик навстречу. Затянуты дали.
Лето кончилось мигом за Кемью ночной.
Грустный северный август неяркой печалью
белой полночью скупно раскрыт предо мной.
И-- озера, озера, озера, озера
в обрамленьи пушистом задумчивых хвой...

Параллели ритмично отмеривал скорый,
Север тучи развешивал над головой...

П О Л Н О Ч Ь

Полутени.
Полушопот.
Полуразговор.
В листьях – словно моря рокот.
Ветер.
И костер.
И палатки.
И, конечно,
чай.
И-- вдалеке--
полусвет от звездных свечек
пляшет на реке.
Полумокрые байдарки.
Утром – новый путь.
Пол-стиха во мне --подарком:
жди чего-нибудь...

ХАБОЗЕРО

С оспинами снежными голубые сопки,
колера неяркие покорили нас.
Зеркала озерные. Тихий берег топкий.
Костерок в полуночный комариный час.

Белой ночи колдовство – песни невесомые,
уплывающие вдаль под гитарный звон.
Белой ночи волшебство – сказки приглушенные,
шопот тихий – для души радость и озон.

Три байдарки у воды тушами рапластаны.
Зацепившись за суки, виснут облака.
Тут промокшая сосна крепко с небом связана,
и морошка желтизной светится пока...

А наутро – дальний путь по волне, под солнышком,
продувает ветер нас холодком насквозь.
Волны бьют байдарке в грудь, заливают доньшко,
и скрипит себе весло, оцарапав ось.

Я ворочаю волну тяжело и неистово.
Дальний берег не видать в сером далеке,
но лучист и невысок купол неба чистого,
и еще судьба—в моей собственной руке...

Х

Х

Церковное таинство белых ночей,
как нимб—
полусвет на разнеженных сопках,
и стих—как один из волшебных ключей
в страну, где поэзия бродит по тропкам...

Х

Х

Мокрый лист прилипает к стволу,
как медаль за отвагу березе,
над которой холодные слезы
ночью тучи роняли во мглу.
Все листы отлетели давно,
этот-- держится чудом, конечно...
Я, влюбленный в березы сердечно,
на березу гляжу сквозь окно.
А октябрьские ветры с утра
бьют по крыше, царапают стекла.
Все до нитки сегодня промокло:
наступила предзимья пора.
Птиц не видно. Затянута даль.
Обленившись, нас солнце не греет.
Но на белом пока что желтеет
Мокрый лист – золотая медаль...

Х

Х

Ржавой влагой покрыты еще
не согретые солнцем поля.
Ветер трется у вспыхнувших щек,
и вращается к маю земля.
Сквозь воды неприветную ржу
вижу робкие стебли травы,
на промозгом ветру задрожу –
так мне холодно в мире, увы...
Но опять соберу в кулаке
свою волю. И гляну вперед:
май маячит уже вдалеке,
солнце с ним непременно придет--
и однажды, упав на траву,
где ни луж, ни мороза, ни лжи,
я подумаю: славно живу! –
и от боли душа задрожит...

МОЕ ЛЕТО

Там, где были луга примяты,
где закаты пропахли мятой,
где в бездымном огне заката
поыхали стога когда-то –
там остались года молодые,
и костры мои золотые,
и стихов моих первых строчки,
где еще – ни тире, ни точки.
Так давно...
Так недавно...
Лето,
озорное, пахучее – где ты?
В ад ли, в рай ли – лечу по свету,
и счастливей дороги нету.

Х

Х

С тобою было холодно в июле--
и стало очень жарко в январе...

Снежинки за окном моим мелькнули
и растворились в розовой заре.
Когда окошко розово алело,
очнувшись от блуждания во снах,
ты прижималась юным жарким телом –
и молодец я просто на глазах.

И сызнова надеялся на чудо,
еще не понимая на заре,
что до июля снова позабуду
о том, что было раньше, в январе...

КОГДА УЕЗЖАЛИ БЛИЗКИЕ

У великого разъезда
за моря и океаны,
как швейцары у подъезда,
остаемся мы стоять.
И не можем почему-то
вместе с ними враз и круто
от ливрей и от подъездов
свои души оторвать.

С нами рядышком все меньше
остается близких сердцу,
дорогих мужчин и женщин:
поездов не достает...

Нам, лакеям, жить не легче.
Нам разлука давит плечи.
Ехать ли? Или не ехать?
Спать раздумье не дает...

У великого разъезда.
У парадного подъезда.
На таможнях.
На перронах.
В шумных аэропортах.
Этот – едет.
Та – не может.
Тот—не хочет.

Все тревожит.

Нас, швейцаров, мука гложет:
ехать ли?
или не ехать? –
в перепуганных глазах...

Минск, 1993 год

ПЕРВЫЙ НОЯБРЬ В АМЕРИКЕ

Зерно уже укрыто в закрома,
в круги тугие свернута солома.
А фермерские белые дома
чуть светятся в закате невесомом.

Идиллия.
Покой и чистота.

Жизнь начинаю с чистого листа.
Куда идти?
Чем заняться?
Как жить?
Что в закрома успею заложить?

И странно, что тревоги в сердце нет:
такой вокруг спокойный поздний свет,
так высветились ровные поля,
так светится предзимняя земля,
так тихо лес за фермами стоит—
своих хозяев верно сторожит...

Наверно, в этой светлой тишине
покой природы передан и мне.

Анн Арбор, 1996 год

Х

Х

Вот дождем над Анн Арбором брызнуло,
солнце сушит тропу промокашкой.

Как домчали сюда безвизово
наши лютики, наши ромашки?
Как у нас тут бредут туманами
вдоль дорог то сосна, то береза...
Так нелепо делить странами
землю, молодость,
смех и слезы!

Но—поделено. Но—по-разному
жизнь улажена и устроена.
Есть—разумная.
Есть—по красному,
по кровавому злоба черная.

И одна у природы грация,
да иные у жизни правила...

В общих жизнь прошла декорациях,
а спектакли разные ставила.

Х

Х

К добру путь крут и труден.

Наперекор судьбе
я стал добрее к людям--
и злее стал к себе.
Со злостью не вращаю
опасную пращу,
и что другим прощаю—
себе я не прощу...

Х

Х

Аэропортов разводные мосты...

Теперь на другом я живу берегу.
И там, где осталась, незримая, ты,
уже побывать я не скоро смогу.
Уход в далеко был и резок, и груб,
а звуки турбин безразлично сухи...

И жар твоих рук, и тепло твоих губ
ложатся сегодня словами в стихи.

Конечно, жизнь заново сложится там,
на левом, где я,
и на правом, где ты...
Но было нам сладко итти по годам,
не зная, что есть разводные мосты.

Х

Х

Хочешь—радуйся.
Хочешь—жалуйся.
Хочешь – смейся.
Хочешь—грусти.
Мы сегодня—двуликие Янусы
на своем иммигрантском пути:
в новой жизни пытливы, дотошны мы,
ошарашены,
восхищены—
но вторым-то лицом в прошлое,
в нашу молодость обращены...

Х

Х

И зачем мне-- в юность снова,
в сотни глупостей шальных?!
Жизни прочная основа—
смех товарищей моих,
наши споры за чаями
и дымящийся шашлык...
Я тогда еще с друзьями
расставаться не привык.
Я тогда еще не думал,
что когда-нибудь они
будут ветром жизни юным
по земле разнесены.
И в прекрасном Свете Новом,
и в библейской стороне
затоскует сердце снова
у кого-то обо мне.
Я и сам в стране заморской
буду землю обживать
и о юности по-свойски
говорить и вспоминать,
понимать, чего мы стоим,
что могли бы изменить...
Только молодым героем
мне, увы, уже не быть.
Так что надо бы, возможно,
соответствуя годам,
жить спокойно, осторожно,
молодым не верить снам.
Но ворвется солнце в спальню
и меня растормошит,
и о возрасте печальном
мысль мгновенно испарит.
Я преодолею боли
в пояснице и плечах.
Мысль моя летит на волю
и вернется жить в стихах...

В НЬЮ ЙОРКЕ

На Бродвее и Таймс—сквере
мне не горько и не скверно,
я в толпе не потерялся –
наблюдателем хожу,
и в коктейле лиц—всех красок!—
белых,
черных,
желтых,
красных,
не библейскую опасность –
щедрость Бога!—нахожу.

Словно в древнем Вавилоне,
нас, смеясь, собрал Создатель:
возносите, возноситесь,
суетитесь в пропастях!
Раз вам нравится все это,
я пушу в толпу поэта:
пусть плывет себе неспешно
в человеческих морях...

МЕЧТА О ПРОШЛОМ

Однажды влюбиться—
как в школе тогда...
Однажды забыться,
отбросить года...

Однажды влюбиться
и—так уж и быть!—
опять единицу
в дневник получить.

БАБЬЕ ЛЕТО В МИЧИГАНЕ

Бабье лето в Мичигане:
паутина да опята,
да знакомые до боли
две березы за окном.

Кленов нежные румяна
здесь сливаются с закатом,
говорят дубы у школы
мне знакомым языком.

В Мичигане—бабье лето...

Под высоким небом гуси
тренируются к отлету
от утра до темноты,
а потом луна восходит,
озаряет ярким светом
яркожелтые рябины,
яркокрасные кусты.

Память вдруг клешнею крабьей
схватит и почти задушит--
так она не раз швыряла
в топки позднего огня...

В Мичигане—лето бабье
заораживает душу
и, как в юности, по тропам
водит весело меня...

Х

Х

Мичиганская погода –
в день десятков перемен.
Мичиганская природа –
гамма всех цветов весенних.
По лианам обвитым
тысячам высоких стен
жизнь до неба дотянулась--
к невезенью от везенья...

Белорусская погода –
в день десятков перемен.
Белорусская природа –
коврик из немногих красок.
Сосны к небу устремились
пиками живых антенн.
Лица встречных обернулись
тысячами разных масок...

Вдоль по просекам прогретым
катится в июле солнце,
и ему я предлагаю песню новую в обмен
на немое обещанье,
что повсюду обернется
новым счастьем,
новой песней
весь десяток перемен...

Х

Х

Листва, опавшая вчера,
с утра лежит ковром вдоль тропки.
Вот первый луч рассвета робко
ствола коснулся—и кора
березы выбелилась чисто...
А снизу золотились листья.
И сочетанье колеров
дорогу сделало прекрасной.
Все небо высинилось ясно.

Я вновь вперед итти готов
под шелест листьев и под свет
березовых стволов и неба...
Судьба-хранительница, мне бы
еще чуток хороших лет,
рассвета чистого чуть-чуть,
немного шелеста и песен!...
А путь всегда мне интересен,
и песни наполняют грудь.

НАРЦИСС

Перемешав манеры и обычаи,
забыв давным-давно о всех приличиях,
он так живет, как хочется ему,
и наступает людям на мозоли,
украдкой наслаждается их болью,
и сам не понимает, почему
его обходят люди стороною,
как будто отгорожен он стеною,
и отвернулся утречком сосед...
Он не грустит. Любуется собою.

У всех людей бывают сердца сбои,
а у него-то даже сбоев нет...

ПОРА ДЕТСКИХ ИГР

Все хорошо до той поры,
пока в покое топоры,
пока ракеты – в тесных шахтах,
а поясов шахидов нет,
пока в восторге непонятном
соседа не убил сосед,
пока непроданный Иосиф
живет при маме и отце,
И Авель жив,
и Каин носит
не зло – улыбку на лице.

Все хорошо, пока на свете
шумят, играя в прятки, дети,
пока не разделяют их
национальности и расы,
и каждый день их детства – праздник,
и слово каждое – как стих.

Но дети быстро подрастают,
и новый Каин точит нож,
а новый Авель и не знает,
что он на первого похож.

Но все-таки: пора игры!

Все хорошо до той поры...

БЕССОННИЦА

Поскрипывают пола доски
под тяжестью моих шагов...

Ожившее виденье Босха—
двадцатый век.

Из всех веков
лишь он реальным сделал Ужас,
добавив к Босху сны Дали,
и пепел лагерей,
и лужи,
где кровь сгущается в пыли.

Такое вышло совпадение,
что нам достался этот век,
и роковые сновиденья
из-под его колючих век.

Такая выпала удача –
под палачами шеи гнуть,
и, чудом вырвавшись, иначе
под занавес жизнь повернуть.

Но вдруг увидеть:
от начала
век двадцать первый не добрей,
и лодку жизни раскачало
цунами злобы с первых дней.

Вот почему под ветер хлесткий
и осыпь белую снегов
поскрипывают пола доски
всю ночь под тяжестью шагов...

КАФЕ В ТЕЛЬ АВИВЕ

Тут-- хумус,
вкусный запах рыбы,
кинзы счастливый аромат,
мясными блюдами могли бы
тут осчастливить всех подряд.
Тут в тонких листьях винограда –
бараний фарш.
К нему – вино.
Живи – и радуйся!

...Одно –
нет мира здесь.
И где-то рядом
очередной шахид бредет.
И, может быть, живым снарядом
в кафе он через миг зайдет.
И девочку, что за столом
смеется весело и звонко,
под черным покрывалом тонким
отсюда понесут потом.
А на полу, где кровь, и фарш,
и хумус, и кинза, и листья,
как натюрморт войны,
как шарж,
как вызов чистым от нечистых,
как сцена в сумасшедшем сне—
начало дьявольского века
и горький вызов человеку
от мракобесия в чалме...

О ВОЖДЯХ

Глубокое заблуждение, что лидеры виноваты,
а у простых людей нет вины ни в чем,
а у простых людей – с самого края хаты.

Вожди решают.
А мы следом идем.
Глубокое заблуждение.
Жестокое заблуждение!
Век изменился.
И с краю хат больше нет.
На всех вина – наглецов выдвижение
и покорное продвижение за ними вслед...

Х

Х

Государи—императоры,
государи—президенты
то в солдатиков играют,
то в заботливых отцов.
Только если от кого-то
не дождутся комплиментов,
с этим кем-то
разберутся слуги их в конце концов.
Вот и кланяется свита
век за веком им пониже,
вот и льстят царям,
упрятав думы в глубине души...
А цари глядят с улыбкой
лишь на тех, кто зад им лижет,
убежденные, что людям
и милы, и хороши...

Х

Х

Не Боги плохи.

Плохи люди:
прикрывшись Богом,
там и тут
они насилуют и жгут,
соседей с наслаждением бьют
и верят:
Бог их не осудит.

Не Боги плохи.

Плохи мы,
живущие во власти тьмы
и суеверий, но не Бога,
поскольку Бог на то и Бог,
что справедлив, суров и строг,
и спросит с нас в конце дороги...

Жаль, нам с Земли не увидеть,
как будут там, в аду, стонать
детоубийцы всех соцветий...

Пока же отпылал Беслан,
и дым восходит к небесам,
а с ним – и маленькие дети...

ФАНАТИКИ

Хватило бы духа
на Лобное место взойти
и в жертву себя принести без сомнений и страха.
Хватило бы духу рвануть напоследок рубаху,
и слово прощальное радостно произнести.
И кто-то в толпе непременно запомнит его
и будет нести негасимым до собственной казни.
Мечта о публичности смерти фанатика дразнит.
А смерть -- это смерть.
И за ней не стоит ничего...
Все те, кто взрывает однажды себя и других
и жаждет потом сонма девственниц, вечного рая –
в мгновение смерти в себе человека теряют,
взамен получая лишь ад и проклятья живых...

КЛАДБИЩА ГУЛАГА

Жарки на могилах Гулага
в короткое лето цветут –
ошметки кровавого флага,
в клочки разметенного тут.
Под небом проветренным, низким,
вдоль северных медленных рек
бесплатно навеки прописку
в земле получал человек.
И Север безумием пахнет...
На сердце – глухая тоска.
Там холмики взрывами шахнут--
осколки свистят у виска.
Мне северной этой дороги
уже не забыть никогда.
И будут жарки, как тревоги,
во снах приходить иногда...

ПЯТОГО МАРТА 2003 ГОДА

Было время теплого дождя.

Было время страшного вождя.
И была охота молчаливой
не за солнцем на опушках рощ –
за людьми, чей голос несчастливый
на другие в чем-то непохож.
Было время страшного вождя....

А теперь, пол-века погода,
как тоскует кролик по удаву,
по гипнозу беспощадных глаз,
так по той охотничей забаве
многие тоскуют в этот час,
и в период теплого дождя
на могилу страшного вождя
тащат до сих пор цветы...

Зачем?!

Кто они, поклонники тирана?
К счастью, те, кто сер и скучен странно,
кто не выделяется ничем,
для кого оно всего страшней –
время теплых мартовских дождей.

Х

Х

Думали: все в жизни изменяется.
Не учли: по вековой традиции
жизнь у нас с прописки начинается,
выпиской кончается в милиции.
Думали: у нас все переменится –
речи о свободе так и сыпались.
Но ОМОН опять в колонну целится,
чтоб не бузотерили, не рыпались...

СКАЗОЧКА

Сбежавший был не трус, а мудрец:
он быстро сообразил
что подошел кровавый конец,
на драку не хватит сил.
А мы, недоумки, наоборот
бросились дружно вперед,
веря, что смелость и нас спасет,
и города возьмет.
Когда же судьба нас не подвела,
мудрости вопреки
ждали нелегкие нас дела,
которых не взять в штыки.
И тут появился Тот, Кто Сбежал.
Нас растолкав, простаков,
командовать нами он сразу стал,
цел, упитан, толков...
И мы бы дали в зубы ему
за то, что тогда сбежал –
да силы иссякли,
да власть ни к чему:
лишь бы дышать нам дал.
Все повторилось, конечно, вновь:
солдаты – внизу без сил,
поскольку они проливали кровь –
а сверху Сбежавший был...
И швырял он полки туда-сюда,
и никого не щадил,
солдатам достались хлеб да вода,
а Тот Кто Сбежал – жил:
принимал парады,
стучал кулаком,
к нашим женщинам лез...

Вот так и катилось все кувырком.
А мы улыбались:
-- Бес...

Х

Х

Надувных китов хватило
на мой век.
Я помню всех.
Хоть частенько воротило
от того, что их успех
был основан лишь на том,
что надули их мы сами.
Под усатым ли китом,
под бровастым ли китом
жили долгими годами...

Все же есть у жизни шик
и история—как гвоздик:
ткнет тихонько в бок иль хвостик —
от кита остался пшик.

Нам бы сразу поумнеть,
с надувательством покончив.
Но привыкли, видно, очень:
дуем, дуем дни и ночи,
чтоб кита побольше прочих
на горбу своем иметь...

Х

Х

Придет когда--нибудь мгновенье
переоценок и находок:
вдруг на историю посмотришь
с иных годов, с иных высот...
Так новый берег открывался
когда-то людям с утлых лодок,
и кто-то строил жизнь навечно,
а чья-то жизнь водой — в песок...

Х

Х

В час, когда все менялось, трещало,
приоткрылись ворота тюрьмы,
и тогда на свободу сбежало
пол-страны
и – трусливые—мы.
Ошалев от неожиданной свободы,
от веселости и от ветров,
привыкали к свободе мы годы,
как и к легкости вольных шагов.
Оказалось, рабам очень тяжело
начинать неконтрольный свой ход,
и, родившись в счастливой рубашке,
раб боится движенья вперед.
И на вольнице—воле безумной
есть достаточно много таких,
кто тоскует по жизни бездумной
за воротами тюрем былых...

Х

Х

За нужное и за ненужное
мы платим дорогой ценой:
уходит Время по одной
минуточке в пустыню вьюжную.

Нам ничего не изменить--
так жизнь устроена прекрасная:
за ценное и за напраслину
всегда приходится платить.

X

X

Песочные замки разрушены были –
осталась лишь груда желтеющей пыли.
Мне было в то время всего только пять,
когда навсегда прекратил я играть...

Война отошла, расколов на две части
мой мир:
на несчастье и тут же – на счастье,
что папа вернулся,
что живы остались,
что в окнах барака рассветы метались,
что новая улица строилась прочно,
и дом поднимался не замком песочным...

Но всю мою жизнь где-то рядом незримо
маячили камни и дым Хиросимы,
а зримым был щебень и кровь на песке
в Нью Йорке, Израиле, Грозном, Москве,
где, словно с заложницей или рабой,
в песочницах кто-то играет с судьбой...

X

X

В эпоху власти жесткой, беспощадной,
что обращала в путы Млечный путь,
мне, юноше, так мало было надо:
в глазах любимой утром утонуть.
А там, в глубинах глаз,
я был свободным,
не знал сомнений, страха и тоски,
и, вынырнув, взлетал до звезд холодных
--и путы разлетались на куски...

Х

Х

Мы платили за то, что было,
не задумавшись о цене.
Мы за то, чего не достигли,
иногда платили вдвойне.

Было нам ничего не жалко...

В эти годы, давным-давно,
что синица в руках,
что—галка,
что—журавль,
было нам все равно.

Но потом мы скупее стали,
стали думать: сколько платить.
То ли щедрыми быть устали,
то ль на старость стали копить.

А, скорее всего,
понятно
стало нам, что весь мир не купить,
просто надо телом опрятным
и опрятным душою быть.
Да и бедной была получка,
как рукой за карман ни держись.

Жизнь—не ярмарка,
не толкучка.

Что-то большее—наша жизнь....

Х

Х

Я все хожу, как лошадь цирковая,
по кругу через многие года,
о чем-то вдохновенно вспоминая,
а что-то забывая навсегда.

Мой круг идет от детства и до детства
по юности и зрелости моей,
и этот круг —единственное средство
не заблудиться в сутолоке дней.

— Опомнись!—мне кричит случайный зритель,—
ведь ты уже — на финишной прямой.

А я прошу у жизни:
--Повторитесь,
дни и года, где я спешил домой,
где мама улыбалась мне приветно,
шутил отец, росла моя сестра,
где за окном дождем шумело лето,
и шла послевоенная пора.
Вот годы,, где любовь меня согрела,
а вот—где сыновья мои росли.
Душа моя навечно прикипела
к воспоминаньям.
Есть еще вдали
другие дни, трудов немалых годы,
там был я молод, весел и силен...

И вот сейчас спешу я от свободы
туда, где с головою погружен
в былое, где иду, не унывая,
где мило все и радостно всегда,
где я хожу, как лошадь цирковая,
кругами через звонкие года...

X

X

От момента зачатья, когда
ручеек новой жизни пробился,--
до момента, когда испарился
и исчез ручеек без следа, --
преподносит нам жизнь, не скупясь,
цвет лугов,
острогранность камней,
шелест листьев веселых деревьев
и промоин осеннюю грязь...

А когда, приустав, ручеек
замерзает и в лед обратится,
непременно к воде возвратится
маршал—март.
Вновь родится поток,
и закрутится жизни иной
чистота от момента зачатья,
и девчонка-весна в белом платье
в пляс пойдет над несмелой водой...

X

X

Подержу в руке синицу
и порадуюсь улову.
День пройдет.
И станет снова
мне журавль желанный сниться.
Никогда не обретаю
я душевного покоя...
Миражом над лет рекою
мой журавлик в небе тает...

Х

Х

Я жил уже не раз на свете
в давно прошедшие века.
Я помню, как пронесит ветер
над лесом к полю облака,
как проплывают по пшенице
густые тени облаков,
дневное теньканье синицы
и уханье полночных сов.

Возможно, я придумал это...

Но верится: передо мной
есть много встреч с веселым летом,
с очаровательной весной,
и с осенью златоволосой,
и с вьюжной строгою зимой,
и много лет еще по росам
проложится след легкий мой.

Влюбленный в жизнь, не раз на свете
еще я буду жить, пока
несет вперед веселый ветер
над лесом к полю облака...

X

X

Любовь берет нас под руку упрямо.
Она весьма решительная дама,
изменчивая, впрочем, иногда.
Она приходит в школьные года,
когда девчонок маленькие груди,
под платьем заметные едва,
нас волновать начнут, и странно будет
болеть живот, кружиться голова...

Созреем мы. Трезвы и осторожны,
продумывать начнем свои шаги.
Но с ней, с любовью, даже старики
не справятся—ведь это невозможно!
И – правильно: любовь—соль жизни.
С ней
нам жить на свете много интересней:
она—наш крик, тоска, полет и песня,
и сладостный итог на склоне дней...

X

X

Я не был юным стариком, и мог
влюбляться безрассудно, безнадежно.
Быть в юности глупцом
совсем не сложно,
но мудро быть глупцом :
всему -- свой срок.
Потом, остепенившись, я умел
собой управлять... И то – неплохо...

Но я не мудрость
пред последним вздохом—
я сумасбродства буду вспоминать!

ВСТРЕЧА

Ты приближалась – и росла.
И вскоре
достигла неба.
Это было – чудо.
Никак не мог поверить я, что всюду
осталось все как было:
смех – и горе,
улыбка – и гримаса,
свет -и тучи...
Ты приближалась.
Прошлое исчезло.
В руках судьбы сейчас была ты жезлом –
волшебным жезлом,
феей всемогущей.
И я тебе навстречу устремился,
и это был мой час, высокий, звездный –
а в сердце и торжественно, и грозно
какой-то звон об оболочку бился..

Х

Х

Хочешь, отдам я тебе все сразу:
закатов рубины,
звезды – алмазы,
слова любви и слова надежды,
сказанные не знатоком – невеждой,
потому что знаток никогда не отдаст
свои сокровища все и враз,
а будет их понемногу дарить...

Но разве знаток умеет любить?!

ГОРОДСКИЕ ФОНАРИ

Эти голубые фонари.
зажигает автомат бездушный.
И они сияют до зари—
нужно ли кому, или не нужно.
Поздние машины вдаль скользят,
фарами ощупывают стены.
Фонари на улице горят.
Ветер дунет—покачнутся тени...

А когда-то сравнивали их
с лунами и звездами поэты.
Тут влюбленный сочинял свой стих,
вдохновленный мягким теплым светом.
В городе, где ночью—тишина,
верные традициям и долгу,
фонари, не знающие сна,
светят для чего-то ночью долгой...

X

X

Все прошлое тумана молоком
от глаз чужих укрыто навсегда.
Мне до созвездий плыть недалеко,
но твоих дверей итти года.

И солнце не играет на снегу,
и нет костров в Аляске наших встреч,
и легче я до звезд дойти могу,
чем до тебя,
до рук твоих и плеч...

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Весной над Хьюроном – рекою,
от прежних речек вдалеке,
с гитарой теплой под рукою
или с гитарою в руке,
когда безудержное солнце
свое сиянье разольет,
как птица вешняя, взовьется
душа моя – и запоет.
И в час, когда закатом алым
вся комната озарена,
присядут птицы – кардиналы
на ветке клена у окна.
Еще краснее на закате
их перья-буковки в строке.
О чем поет седой мечтатель
на незнакомом языке?
А позже, в час уже предлунный,
они куда-то упорхнут...

И птицам невдомек, что струны
о давней юности поют,
где нашим песням на опушках,
в борах сосновых, иногда
весною вторили кукушки,
пророча добрые года.
Там в звон гитары звездной ночью
вплетали песни соловьи,
и понимали, между прочим,
все песни юные мои...
Года летят. Душа не стынет,
А что же нужно мне еще?
Мне пелось хорошо. И ныне
поется тоже хорошо.
Вот только слушателей мало...
Но все ж звенит весна кругом,
и – красной строчкой – кардиналы
на ветке клена за окном.

Х

Х

За радугу,
как за рычаг,
возьмусь -- и опрокину
вам на колени просто так
цветущую долину:
ее сады,ее цветы,
всю музыку июля,
чтоб в свежесть этой красоты
лицо вы окунули,
и благодарные глаза
в глаза мои смотрели,
а все,кто нам кричит:
" Нельзя!" --
внезапно онемели.

Х

Х

Пусть будет утренно, тепло,
пусть будет звездно и во мраке,
когда в чужих дворах собаки
ворчат беззлобно или зло.

Пусть будет тень, когда жара
нещадно палит тропки наши.
Пусть жарко будет в ледящий
мороз в зените января.

Пусть освежает водоем.
Пусть костерок дрова оближет.
Пусть в дни, отпущенные свыше,
подольше будем мы вдвоем.

ЗАБРОШЕННЫЙ ПАРК

Когда-то в старом парке было много
гуляющих бездумно...

Но сейчас
к нему ведет пустынная дорога,
загадками волнушая нас.
Когда-то в старом парке назначали
свидания с любимыми...

Увы,
лишь я иду сюда в часы печали
по зарослям некошенной травы...
Качается листва неторопливо,
как будто снятся ей былые сны.
Стволов и веток странные извивы
хранят в себе тепло былой весны.

Цари природы, что ж мы стоим все же
для дерева, травы, густых кустов?...

Мне шопот листьев сердце растревожит
намёками на пустоту годов.
Но всякий раз тут происходит чудо:
навстречу мне из пустоты аллея
приходят тени добрые...

Откуда?!

Все станет вдруг теплее и светлей.
Спокойно мне.
И жизнь моя—прекрасна.
Смыкается над головой листва.
И в строки сопрягаются так ясно
давным-давно забытые слова...

X

X

Засоряя улицы листвою,
осень бродит сутки напролет,
то ветрами вымокшими воет,
то дождями тихими поет.

Отдаюсь ее тоске охотно,
вторю ветру и пою с дождем,
вслед шумливым птицам перелетным
вдаль лечу оборванным листом.

И забьюсь в какой-то угол после,
где ни ветра, ни дождя, ни птиц,
чтобы петь про золотую осень
шелестом исписанных страниц.

X

X

Одинокой ярко-красной веткой
просигналил мне зеленый клен,
что уже прохлада – гость нередкий:
значит, лето катится под склон.

Но на сквере покачнулись розы –
стало мне теплее в тот же час:
значит, далеки еще морозы,
и пригреет солнце нас не раз...

НОЯБРЬСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Отпели птицы о любви
и улетели на юга.
На волглость выцветшей травы
упали первые снега.
И в бесконечной тишине
ноябрьских сумрачных лесов
являться стали песни мне
и звуки давних голосов.
Я стал почаще вспоминать
тех, кто в далеком далеке,
я за руки их стал держать
и прижимать щеку к щеке.
Так ежегодно в ноябре
под шорох первого снежка
толпятся тени во дворе,
пришедшие издалека.
Они надолго убегут,
когда придет морозный день.
В осенних строчках оживут
птиц песни и-- за тенью тень...

Х

Х

Не огни во тьме катаются
на трамвайных проводах—
нашим прошлым озаряется
час вечерний в городах.
Промелькнет воспоминание—
и уйдет за поворот...

...Огоньки летят трамвайные.
Полночь тихая идет...

Х

Х

Звезда укажет путь заблудшему.
Гора тропу поднимет ввысь.
Надежда отведет от худшего...

Вот мы с тобою вознеслись
туда, где вечные снега,
где три ручья несутся книзу,
где бесконечные луга,
а в скалах—узкие карнизы.
Там месяц – выжатый лимон—
чуть освещает ночью склон,
там костерок, там тени наши
на гранях скал безмолвно пляшут,
звезда уводит от забот,
от груза лет мечта уводит.
Вдруг совершится поворот
туда, где наша юность бродит,
где голоса друзей звучат,
и перебор гитары слышен.
Звезда блестит над горной крышей.
Стихи на помощь нам спешат...

И Д Е Т   Ф О Р Е Л Ь

Я провожаю рыб недоуменным взглядом,
когда на вертикаль серебряной воды
упорная форель идет по водопаду
наверх, где сталь озер и голубые льды.
Обгонит рыба нас,
бредущих серпантином,
и много раньше нас до цели доплывет.
И, задыхаясь, мы любимся картиной
прозрачных рыб
в глуби беснующихся вод...

ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Скрипя от ржавчины разлучной,
вращалась ось земли едва...

Я ждал тебя, душой измучась,
и где-то прятались слова.

Но стоило тебе явиться –
и время вихрем понеслось,
слова нашлись,
а дни – как спицы
сквозь солнце мчащихся колес...

ПЕСЕНКА

Буду ласков и терпим,
щедрым – как на зерна колос.
Может, ей необходим
станет любящий мой голос.
Может, урожай моих
слов и песен нужным будет,
а неистовый мой стих
чувства добрые пробудит.
Может быть, тепло руки
растопить снега сумеет.

Глаз счастливых васильки
и меня в ответ согреют...

X

X

Отгаданы на сорванных ромашках
любовь и нелюбовь давным – давно.
Последний лепесток летит бумажкой
за на ночь приоткрытое окно.
И мне уже не хочется сначала
какие-то решенья принимать,
а там, где сердце раньше рисковало,
уже оно не хочет рисковать...
Живу неспешно. Что-то вспоминаю.
А что-то силуюсь позабыть порой.
Но в глубине души все время знаю,
что и сегодня занят я игрой,
что хочется неспешное течение
в стремительность потока обратить,
и посреди ромашковых цветений,
как прежде, лепестки удач ловить.
Летите, лепестки, по ветру жизни,
мой символ чистоты и белизны...
В неторопливость жизни укоризной
врываются ромашковые сны.

X

X

И вновь, и вновь кладу я на весы
любовь и долг, желанья и свершенья—
и вижу, как ничтожны достиженья
в последние осенние часы.
Жаль, урожай мой мал.
Из-под листвы,
из-под воспоминаний и развалин
блеснет порою влажный свет проталин
и огонек мучительной любви...

X

X

Где от счастья молодость сияет,
зрелость не спешит в литавры бить,
потому что опыт точно знает:
нет, не всякий свет обозначает,
что удалось в космосе сегодня
нам созвездье новое открыть...

X

X

Худо ль на душе, легко ли,
в радости живешь ли,
в боли –
все в стихах,
словах,
их вязи:
там я не схитрил ни разу...

X

X

Уходя уйти не получается:
несколько мгновений погода
прожитое вместе возвращается
под спокойный говорок дождя.

Уходя уйти не получается:
после расставанья в поздний час
ранним утром что-то вспоминается,
что навеки связывает нас.

Х

Х

Дом заселить – себя переиначить.
Нет в новом доме прошлому угла.
Но сколько раз еще душа заплачет
о старом доме, где вся жизнь прошла.
Так что уж говорить о новом мире,
где все иное, даже век иной?!...

Я рад, что стал мой горизонт пошире
от заново освоенного мной.
Раздвоенность души не испугала,
раздвоенность Вселенной не страшит:
мир стал иным, жить интересней стало,
и каждый день мне новое сулит.
А главное, что добрые соседи
и в новом доме отыскались вмиг.
И все мы—люди.
Все куда-то едем.
Для всех открыт Земли прекрасный лик.

НА ТОМ БЕРЕГУ

На том берегу откукует кукушка в лесу,
когда я приеду туда побродить по годам.
На том берегу я к могилам цветы принесу
и многим любимым любовью однажды воздам.
Потом, воротившись на берег, где ныне живу,
услышу, как птица поет под окошком моим –
и словно очнусь, и опять полюблю наяву
людей,
с кем делю ежедневно и солнце, и дым...

Х

Х

Бургундское вино развеселит немного.
Шампанское на миг мечтами увлечет.
А Новый год начнет отсчет своей дороги,
и что дорога та тебе и мне несет?
Год прожит...
Ну и что?
Сбежать от лет не в силах,
мы сердцем любим тех, кто с нами за столом –
ведь в лицах сыновей,
невесток,
внучек милых
и внуков
мы себя сегодня узнаем.
Да будет им светло,
просторно и надежно,
да будет им дано достичь больших высот!

А рядом с ними мы взойдем наверх, возможно,
и старость, как и все, когда-нибудь пройдет...

Х

Х

Моих воспоминаний грубый сруб –
конструкцию невидимого дома,
в котором был и нежен я, и груб,
где принимал родных,
друзей,
знакомых ,
я строю незаметно для других...
И лунными студеными ночами
воспоминанья входят в новый стих.

Так жизнь опять становится стихами.

Х

Х

От юных безрассудств – к рассудочности зрелой,
от подвигов смешных – до робости смешной.
Жизнь каждого из нас месила, как хотела,
все, что она могла, проделала со мной.

Но все же иногда к вершинам добирался,
и выше облаков порой сумел взойти.
И все же иногда собой я оставался,
хоть трудно устоять бывало мне в пути.

Измятый гончаром на круге лет, конечно,
я форму потерял, которой славен был.
Но я цены друзьям и щедрости сердечной,
чтоб ни было со мной, на миг не позабыл.

Уже зима метет поземкой чисто- белой,
последний лист исчез, упрятанный зимой...
От юных безрассудств – к рассудочности зрелой
так незаметно путь по жизни пройден мой...

Х

Х

Пока есть что любить, кого любить,
кого своей любовью одарить,
пока есть кем и чем залюбоваться,
пока куда-то хочется лететь
и за кого-то даже умереть –
мы молодыми будем притворяться,
хотя, конечно, не подарок, нет,
больших годов тяжелый плотный плед...

Х

Х

Ждал тепла давным-давно.
Тучи ночь развесила.
Капли стукнули в окно
на рассвете весело.
Дождь в момент смыл белый снег,
и ручьи весенние
начинали свой разбег—
к солнцу вознесение.
Вот и нынче март поет,
светит ярко солнышко. ...
Жаль вот только, что забот
по самое по горлышко...

МАРТ

Расчерчен лес тенями голубыми,
сползает снег с лужаек и холмов,
а ветер шепчет имена любимых
для всех, кто в шопот вслушаться готов.

МАЙ

Хвастлив. Имеет сил избыток.
Играет светом неустанно.
Он весь, как солнечный напиток,
разлит по чашечкам тюльпанов.

ИЮЛЬ

Такие ночи светлые
настали над лугами,
что спят ромашки белые
с открытыми глазами.

Х

Х

Заката догорел костер.
И ночь прошла. И день явился:
лугов, полей, лесов простор,
как фотоснимок, проявился.
Все четче поле, луг и лес --
рассвет встает неумолимо.
Холодная зола небес
бесшумно пролетает мимо.
И набежавший ветерок
с веселой силой раздувает
востока жаркий уголек --
вновь небо вспыхнуть обещает.
Как раскалилось, как пошло
по краешку играть огнями!
Тропы заветное тепло
с рассвета снова правит нами.
Идем, участники игры,
по нежной акварели лета,
душой -- на стороне зари
в извечной сшибке тьмы и света.

Х

Х

Приучен не ныть, не сдаваться,
по жизни без отдыха мчать,
рассветным лучам улыбаться,
и вечер улыбкой встречать,
прошел я все классы, ни разу
на шаг не отстав от других...
Но вдруг в завершающих классах
стал грустным мой маленький стих...

X

X

Всех печалей душе не избыть,
сколько лет ни дарила судьба бы.
Расползаются беды, как крабы,
нас стараясь клешней зацепить.
Так клешнями обхватит порой
время—краб мои старые ноги,
что—и шага не сделать в дороге,
что уж там говорить про второй!...
Не избыты печали.

Но все ж
не избыты и радости тоже:
на весну их дыханье похоже,
день осенний по-майски пригож.
Я пытаюсь шагать, и любить,
и смеяться, и плакать от сердца.

Этой жизнью нельзя наглядеться,
хоть печалей ее не избыть...

X

X

Какие достойные женщины
отжили свой век в одиночестве...
А было им много обещано
в их девичьих грезах—пророчествах.
Кто знает, как это случилось,
что жизнь не сложилась у них?
Но счастье не получилось –
осталось оно у других...

Х

Х

Признаюсь тебе
-- не смейся, пожалуйста!--
ты -- это мир, населенный радостью,
ты -- солнце,
на этот листок упавшее,
ты -- песня,
с утра под окном летавшая.
Выйду на улицу ранним утром:
дождь идет.
А слышится, будто
звонкие капли-- твои слова.
А позже -- кончится дождь едва --
улица в солнечный свет окунулась,
кажется, это ты улыбнулась,
бросила смех, как лучи,
на цветы...
Какое счастье:
ты -- это ты!

Х

Х

Вино – еще не кровь,
а сладкий сок лозы.
Кровь много крепче,
много ароматней.
В ней, как в армянском коньяке,
приятна
смесь утра с ночью, счастья и слезы...

Так и любовь не всякая крепка
необъяснимой силой коньяка.

X

X

Интересно, кто кажется внукам старше:
я или Рим, к примеру?

Что подумала бы эта девушка,
если б знала, о чем я мечтаю?

Впрочем, помню:
тридцатилетние мне казались старыми страшно,
а теперь я порою, видя их, от их юности тут же таю...

Просто было больше решительности,
и нахальства теперь не густо...

Вот теория относительности,
подтвержденная жизнью искусно...

X

X

Откушав от первого и от второго,
и третье слегка пригубив,
до сих пор
с хозяйкою-жизнью веду разговор,
и – гость на пиру!—
вот вам честное слово,
еще не пресыщен я жизнью,
и снова
спешу с головой окунуться в зарю.

Откушав от первого и от второго,
о жизни я с жизнью, любя, говорю...

Х

Х

Уже под семьдесят.
А до сих пор
стихи мои растут на склонах гор,
блестят на травах по утрам, как росы,
во тьме краснеют точкой папиросы,
горят в листве веселыми огнями
и старой песней бродят за друзьями...

Я сам не знаю, кто мне шепчет строки,
откуда появляются слова,
но в добрый час и даже в час жестокий
они приходят, позову едва.

Я счастлив этим. Но и трудно это:
на поздней высоте не просто жить,
и образность, и чувственность поэта
в усталом сердце свежими хранить

Еще труднее-- оставаться прежним
в циничном беге времени,
не стать
ни циником, ни ворчуном.
Надежды
и веры до конца не растерять.

Летят мои года.
Спешат к закату.
Стареет тело.
Молода душа.
Как в юности, она летит куда-то,
всю прозу жизни строчками круша...

ЖИЗНЬ ПО ТАЛОНАМ

Отпусти талон мне, Боже,
на счастливую мечту,
на последнюю, быть может,
в этой жизни высоту.

Отпусти, Творец, талоны
на непройденный подъем,
на последний взгляд влюбленный
на большом пути моем.

Смотрит ночь в окошко сонно,
ветер звезды загасил...

Бог молчит.

Я все талоны,
видно, в жизни получил...

X

X

Вчера.
Сегодня.
Завтра.
А потом
мы все считать наоборот начнем:
нас память станет уводить с утра
от Завтра
сквозь Сегодня
до Вчера...

Х

Х

Было:
било, мяло, жгло,
перепыхивало душу,
обдавало сердце душем—
ледяной водою—зло.

Было:
воскрешали вдруг
ветры мая, летний ливень,
листопады,
снег счастливый
и надежный старый друг.

Было многое в пути –
в этом смысле путь удался.
Падал. Снова поднимался.
Продолжал вперед идти.

И не думал, не гадал,
увлеченный вечной новью,
что, наполненный любовью,
сам частицей жизни стал.

Х

Х

Нам не сбежать от бед.
Но шансов есть в достатке
на счастье, на совет,
на поцелуй украдкой.
А что скорбей пора
была так неизбежна –
все сгладит свет, с утра
нас подхвативший нежно...

X

X

Прозреть.
Понять.
Осмыслить суть.
До чистого зерна добраться.

Нелегко познавания путь.
Но как мне сладостно копаться
в пластах материи живой,
в глубинах прошлого, в архиве!
Коней-годов густые гривы,
подернутые сединой,
растреплют новые ветра.

Неситесь, кони, без оглядки!

Мы с истиной играем в прятки –
и нынче больше, чем вчера...

X

X

Наконец-то!
Руки потираю:
получилась, кажется, строка.
Но пока что нос не задираю:
жду, когда придет издалека
новая – и к найденной притрется,
обратится сомкнутой строфой,
а потом и в новый стих сольется,
или же на годы уберется
в ящик под старинною софой...
Долгий поиск без конца и края,
долгие раздумья долгим днем...
Наконец-то!
Руки потираю:
написалась строчка о былом.

СВЕТЛЯЧКИ

Памяти Изабеллы Кандисбрат—
светлой и чистой...

Светлячки сгорают быстро—
им недолго жить дано.

Растворенное окно.
И-- серебряные искры.

Почему-то каждый раз
в теплом сумраке вечернем
вспоминаю добрых глаз
негасимое свечение.

Люди, близкие душе,
отгорают светлячками –
и не видно искр уже.

Но они остались с нами,
стоит только увидеть
светлячковую морзянку,
стоит только постоять
в теплый вечер на полянке...

Вечер издали плывет.
Звезды светятся лучисто.
Время к холоду идет.

Светлячки сгорают быстро...

X

X

Цена настоящему станет известной,
когда обратится в былое оно,
и мы с опозданием поймем, что давно
жилося нам насыщенно и интересно.
Что наша любовь – настоящей была,
что наша печаль – только тучка на небе,
что нам доставало и стуж, и тепла,
и пашни—весною, и осенью—хлеба.
Сегодня волнуемся по мелочам,
поскольку шагает любой из нас первым.
А завтра иным все покажется нам
в сегодняшнем дне, напряженном и нервном.

X

X

Во Флориде под Новый год
ломает пальму ветер,
он крутит ствол, он листья рвет,
швыряет наземь их...
По океану шторм идет,
стегает волны плетью...

“ Волнуйся предо мной... “ –
я вспоминаю стих...

Во Флориде под Новый год
я юность вспоминаю
и строю планы на песке
под рев крутой волны.
Следы на золотом песке, –
Атлантика смывает...
Но Новый год – как пена вод,
как сказочные сны...

X

X

В мире, где меня не ждут –
разве что в моем же доме!—
реки звонкие бегут,
жаркие поля – в истоме.
В мире, где бывает всяк
сам себе лишь интересен –
я иду под птичьи песни
и свои пою, чуждак...
Равнодушие пчел и птиц,
поля, рек, людей и зверя
заменяю вечной верой
в луч рассвета, в блеск зарниц.
Зори новые взойдут,
дунет в горн рассветный ветер...

Все же сладко жить на свете
в мире, где меня не ждут.

X

X

Я так старался в наше время жесткое
не силу воспевать, а те ветра,
что за окном кленовою прическою
играли нежно с самого утра.
Я сделал все, чтоб не поддаться общему
паническому бегу в никуда,
и стих мой колобком катился рощею,
плыл щепкою, куда летит вода.
И, не втянувшись в общее безумие,
не ввязываясь понапрасну в бой,
в двадцатом веке,
как в котле Везувия,
остался все же я самим собой.

Х

Х

Дорога не проста
от самого порога.
А все ж душа чиста
перед людьми и Богом:
не делал людям зла,
природу не калечил,
и все, что жизнь несла,
я принимал на плечи.
Слетает день, как лист.
Год пролетает мимо.
Я перед другом чист.
Я отдал все любимой.
Предательства я знал,
знал холод, равнодушие –
но сам не предавал
и не калечил души.
И потому, когда
с горы пошла дорога,
не стыдно за года
перед людьми и Богом.

Х

Х

Пока Добро не отвечает Злу
всей силой кулака и мощной воли,
Зло торжествует на любом углу,
и на земле в переизбытке боли.

Давно бы распознать Добру пора
Зла козни, казни, происки и трюки,
и добрых всех людей связать с утра
несокрушимой круговой порукой.

X

X

Под сосной ли, под березой
напоследок ручейком
прозвенят однажды слезы—
и покроются ледком.

Под сосной ли, под березой
прозвенит последний смех —
и, подхваченный морозом,
обратится в первый снег...

Что на свете все конечно:
смех и слезы, лед и снег —
это знает и беспечный,
и серьезный человек.

Но живем мы, словно грозы
для кого-то — не для нас...

Ах, как сосны и березы
хороши в рассветный час!
Зелень хвои, желтых листьев
удивительный полет...

Без конца под небом чистым
жизнь прекрасная идет.

X

X

Не утомлен, не измучен,
жизнью наполнен по край,
Летой — рекой без излучин —
я уплыву прямо в рай.
Там все светло и парадно,
там — ни тревоги, ни мук...

Но о лужайке нарядной
там затоскую я вдруг.

Х

Х

Мы и в Минске-то жить не умели,
не умели копить и хранить,
а умели лишь то, что имели,
расточить и друзьям раздарить.
А в другую страну мы нырнули,
словно в омут, в момент – с головой,
и в чужом языке утонули,
сохраняя старательно свой.
Мы и здесь ничего не накопим,
хоть, наверное, приобретем
новой жизни загадочный опыт,
новых знаний загадочный том...
И когда-нибудь позже, конечно,
ни о чем не жалея, пойдем,
что богаты любовью сердечной
к тем, кому мы себя отдаем...

Х

Х

Мой Бог, в моей прекрасной жизни,
где многое не удалось,
бывать на свадьбах и на тризнах
не раз, не два мне довелось.
С друзьями быть. И – расставаться.
Любить детей себя сильней.
У кульмана стоять.
Встречаться
с прекрасной Музой моей.
Бродить в горах. Через потоки
с трудом перебираться вброд...

Чего боюсь?
Быть одиноким!
Все остальное – пронесет...

Х

Х

Как жили,
как живут,
как будут жить?

Раздумий удивительная нить
протянется по строчкам,
по словам,
в грядущее умчит,
вернется к нам,
и где-то
меж затерянных дорог
свернется в нераспутанный клубок.

Не терпит неразгаданного мысль!
Нетерпеливо рвется вглубь и ввысь --
распутать,
разгадать,
раскрыть секрет:
задач неразрешимых в мире нет!

И в самом деле:
где же тот клубок?

Нить потянулась снова.
Путь далек.
Столетия летят.
Найти!
Решить!
Как жили?
как живут?
как будут жить?

СВЕТОТЕНИ

Светотени дней моих—
как дорожка через рощу,
вся в линеечках косых
от теней стволов берез:
дни удач моих с утра
солнце весело полощет,
дни тревог моих темны
от потерь моих и слез.

Далека тропа уже.
Не видать ее начала:
за морями, за войной,
в майских гомельских садах.
А потом тропу не раз
размывало, заливало
и обсушивало вновь
в ярких солнечных лучах.

Светотени дней моих,
смог я с вами научиться
терпеливо ждать,
когда кончится внезапно тень,
и в поток цветных огней
мир мой снова обратится,
и начнется для меня,
наконец, хороший день.

Жизнь бежит себе вперед.
Всходят новые растенья.
Мамы нянчат малышей.
Спеет новый урожай.

И бегут себе пути,
и ложатся светотени.

Роща-жизнь во-всю шумит.

Но чего-то очень жаль...

УМНЫЕ СОВЕТЫ

Вместо эпилога

Самый умный совет дал мне дедушка Лейба:

--НИКОГДА НЕ НЕРВНИЧАЙ ИЗ-ЗА ТОГО, ЧТО МОЖНО РЕШИТЬ
ДЕНЬГАМИ...

Много раз в жизни я вспоминал эти слова.

Потеряю что-либо—вспомню. Разобью дорогую чашку—вспомню. Хочу поругаться с женой—вспомню.

А потом, став уже немолодым, понял, что нервничать и в самом деле надо только, когда здоровье пошло под откос, или случилось что-то непоправимое, что за деньги не исправишь...

Правда, это я только кажусь себе умным.

На самом деле сколько нервов потрачено, например, на работу. Бывало, шло тяжело внедрение станка—и все... Конец света!... Или в горах отстал кто-нибудь от группы—опять нервотрепка: где человек? Что с ним? Жив ли? А он просто в кустики отошел...

Второй умный, хоть и звучащий немного неприлично, совет дал мне один мой старый друг:

--ЕСЛИ ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ, ТО ДЕЛАТЬ ПО-БОЛЬШОМУ...

И это я помнил всегда. Что бы ни делал.

Засиживался на работе допоздна. Ночью искал, отчего не ладится что-то в машине или же идею самой машины—и находил решение.

Если собирался в горы—то старался посмотреть за один поход все интересное по маршруту, как будто никогда больше не побываю здесь.

Если возил детей с собою в Питер или Москву, то заматывал их бесконечными прогулками утром и вечером до изнеможения и даже иногда до высокой температуры...

Переписывал каждую строчку каждого стихотворения бесконечно...

И, наконец, третий совет я нашел в какой-то умной книге:

ЛУЧШЕЕ-ВРАГ ХОРОШЕГО.

И этот совет помогал и помогает мне ежедневно.

Потому что совершенству нет предела. А для достижения чего-то сегодня, надо где-то остановиться. И завершить дело.

Иначе будешь витать в облаках до конца дней своих.

Главное—найти хорошее, а потом уже найдешь и что-то лучшее, а потом уже кто-то другой найдет...

Это и есть диалектика. Не марсистская. Просто—диалектика жизни.

Путь от одуванчиковой поры детства до одуванчиковой поры старости...

СОДЕРЖАНИЕ

Одуванчиковая пора. Вместо пролога.....

НЕВИДИМАЯ СВЯЗЬ

«Какой невидимую связью..».....	
«На балконе, где мама любила сидеть....».....	
«Отомрет незаметно случайное..».....	
«То Иван-чай. То Иван-да-Марья...».....	
«Был наварист борщ воскресного дня....».....	
Ясное утро сентября.....	
«Час раздумья пред ликом светил..».....	
«Когда снега идут бесшумно....».....	
«Вдруг вспомнилась скамеечка..».....	
Земля.....	
« Подарили мне небо весной...».....	
Воспоминание.....	
« Я усвоил от самой зыбки..».....	
Весна. 1942 год.....	
Картошка.....	
Ушла война	
Ирка	
Послевоенный «коммунизм».....	
Ковры.....	
« Казалось, нет места живого..».....	
« И рай, и ад проходят люди...».....	
« В Минске, обескровленном и нищем..».....	
« Когда шли танки на Восток..».....	
« Была коса. Глаза блестели....».....	
Грешные сны юности	
« Когда становилось светло от луны..».....	
« От ушанки, набитой тряпками..».....	
« А что я помню? Сладкий вкус жмыхов....».....	
Памятник убиенным евреям местечка Щедрин.....	
На Площади Победы – тишина	
На Березине	
Довоенное фото	
« В эпоху юных безрассудств..».....	
« Красной точкой в голубую тень...».....	
« Дано и мне ее руки коснуться..».....	

Молодость	
Майские сны	
« И станет слово откровеньем...».....	
« Тюльпановое дерево вот-вот...».....	
Весенние стихи	
« Цветущий сад с утра дрожит...».....	
« Снег тает на ресницах и губах...».....	
« Еще не очнулась природа...».....	
« Самый темный лес –это ельник...».....	
Гадание	
« Вдоль тихих улиц, у дорог...».....	
Липень	
Первые стихотворения	
« Упасть во мхи, сквозь ветви елей...».....	
« Ты скажешь «Нет!», как говорила...».....	
« В сырой и горький молочай...».....	
« Покраснели клены в Мичигане...».....	
« Год подарил и дереву, и мне...».....	
« Под старой ивою на кладбище, где тени...».....	
« Кому на поруки мы отданы были?...».....	
« Извечная смена сезонов...».....	
Цапля	
Осенние праздники	
« На житейской волне укачает меня...».....	
Рисунок на окне	
« Как совершенен мир во всем...».....	
Внук	
« Дети сегодня кажутся старше...».....	
« Вот и Петя следом за Володей...».....	
« Не успел на помощь я ко многим...».....	
« Много друзей – это много свиданий...».....	
Сорок пять	
« Кумиры юных лет кумирами остались...».....	
« Утром встал веселым и крылатым...».....	
Семидесятые годы на Волге	
« Минчане...петербуржцы...одесситы...».....	
Улица детства	
« Я побывал в местечке, где когда-то...».....	
Привезли мороженое.....	
« Мои родные, там, за тихую рекою...».....	
« Попробую быть искренним во всем...».....	

« Стар и учен, учен и осторожен... » .....
 « Порою даже школьник знает... » .....
 Считалка .....
 « Ну все. Подведены итоги... » .....
 « Есть ли я иль нет меня... » .....
 « Когда швыряет осень листья щедро... » .....
 « Отзвенит осинник на ветру... » .....
 « Много ли, немного... » .....
 Silver Lake .....
 « Чтоб выпить день и захмелеть счастливым... » .....
 Невесомый мир воспоминаний .....
 Горькушки .....
 Конец ноября .....
 « Сопротивляясь ветру и дождям... » .....
 « На последнем балу у осени... » .....
 « Гречиха зацвела... » .....
 « В спектакле жизни, где не мы... » .....

НА НЕБЕСНОЙ ВЫСОТЕ

« Музы, как и женщины, свободны... » .....
 Зрелость .....
 « Будет повод – поохочем... » .....
 « В Минске, на зеленой улице... » .....
 Перед поездкой в Минск .....
 Вальсовое настроение .....
 Начало Петербурга .....
 Апрельский дождь в Петербурге .....
 Аничков мост .....
 Алтарь Петропавловского собора .....
 Памятник Павлу Первому .....
 « Веков на миг раздвину шторы я... » .....
 В Екатерининском дворце .....
 Конные памятники .....
 Решетки Петербурга .....
 « В Болдино ему легко писалось... » .....
 « Быть третьим от конца в лицейском списке... » .....
 « Опять весенние рассветы... » .....

« Горы выгнули длинные спины...».....
 « Невероятной этой ночью...».....
 « Несет прохладу голубой поток...».....
 « Мечутся реки – в ущельях имтесно...».....
 « Дождя серебряные бусы...».....
 Месяц над горами .....
 « В горах высоких Западной Канады...».....
 « Прощальная гастроль на золотые Фаны...».....
 Вечер над рекою.....
 « Луг. Река. Кони...».....
 « В какой печи заря испечена...».....
 Когда уплыло лето .....
 « Все мог Моцарт...».....
 Ферт .....
 « В подземных переходах, на углах...».....
 Концерт колоколов в Каунасе .....
 Бах играет на органе .....
 Соната Шостаковича .....
 Балет .....
 Однажды в Таллинне .....
 Впервые в Вильнюсе .....
 « Концерт прекрасным был...».....
 « Нет намека изящней и тоньше...».....
 « Сломало яблоню, и в мае ..».....
 « Утолить свою жадную душу...».....
 « Кнут над Мастером не властен...».....
 Автопортреты .....
 Витраж .....
 « Жук – скарабей...».....
 О музеях .....
 « Есть удивительное чувство...».....
 У « Троицы » Рублева .....
 В античном зале .....
 « Было холодно много недель...».....
 Сон о Mouline Rouge .....
 Собор Парижской Богородицы .....
 Песня на улице Монмартра.....
 Плавание по реке Саоне .....
 Галатея и Пигмалион .....
 « Итальянские залы. У картин Боттичелли...».....
 Особенности памяти поэтов .....
 « Будут новые стихи...».....
 « Завистников на свете в избытке почему-то...».....

« Не родится мой стих в шуме дружеских встреч...»
 Если бы .....
 « Перед вечностью неба постой...» .....
 « На погостах старинные храмы...» .....
 Чехов и советская власть .....
 « Натупит день. Настанет час...» .....
 Фавориты .....
 « У Лидии » .....
 « Принарядили церкви...» .....
 « На окраине тихого августа...» .....
 « Твой легкий шаг и звонкий мех...» .....
 У « Пиеты » в соборе Святого Петра .....
 Венеция .....
 В лондонском парке .....
 Вестминстерское аббатство .....
 Лондонское Сити .....
 После поездки .....
 « В избранных, отмеченных талантом...» .....
 « Есть у каждого вечное право...» .....
 « В королевстве, где правит Поэт...» .....
 « Когда из пены Афродита появилась...» .....
 « Не хватит спички, чтоб разжечь костер...» .....
 Поэт – романтик .....
 « Черкать – и опять писать...» .....
 « Если вечной пребудет душа...» .....
 « Одиночество сводит на нет...» .....
 « Хочу ли путь начать с азов...» .....
 « У всех – свои писатели...» .....
 « На легкое похмелье рассчитывать не стоит...» .....
 « Неистребима глупость. Вновь и вновь...» .....
 « Туман не подарок, конечно ...» .....
 « Нет в душе ни покоя, ни лада...» .....
 « Все, чем кисть покрывала холсты...» .....
 « Наставники – поэты научили ...» .....
 Фигуристка .....
 Читая Толкиена .....
 « Властительница леса и прекрасна...» .....
 « Смотрю американское кино...» .....
 « Русскоязычные » поэты .....
 Судный день .....
 Идиш .....
 Старый колодец у стены монастыря. Израиль .....

Арафат .....
 « Когда станет земля безнадежно сухой...».....
 « Бог милосерден: дождь идет...».....
 « С тель-авивской мостовой смоят кровь...».....
 Буквы .....
 Кипа .....
 « История местечек – мифология...».....
 « Убиты невесты и их женихи...» .....
 « В часы, когда на улицах горбатых...».....
 « В истории бесчисленных народов...».....
 « Мне покоя выпадало мало...».....
 « Поутру петух зарю кричит...».....
 Мечта и явь .....
 « Запылились иные истины ...» .....
 « Между строками, написанными прежде...».....
 « На шахматной доске судьба солдат...».....
 « Придет когда-нибудь мгновенье...».....
 Счетчик стучит .....
 « В музее, где глядят на нас...».....
 « Дни, как шарики, взлетели...».....
 « В музее, где глядят на нас...».....

КРУГ БЕЛОГО ОПАЛА

« Липа быстро отцвела...» .....
 « Когда цветут и вишни, и черешни...».....
 « В первоначальный миг движенья сока...».....
 Раннее утро .....
 « Зайду в тупик в исканиях своих...».....
 « Памяти наперерез...».....
 « Все дорогое сохраняю в целости...».....
 « В Радошковичах давным –давно в лесу...».....
 « В те минуты, когда ускоряется сердце...».....
 На базар .....
 « Когда купальские костры...».....
 « Летай, снежок, в январский час...».....
 « Девчоночка. Topless...».....
 « Мы проплывем по речке бытия...» .....

Воспоминания о Новогрудке .....
 Ночевка в лесу .....
 « В окнах осени тихой пейзажи...» .....
 « Становились у суженой...» .....
 « Сколько не сплетай слова...» .....
 « Теплый август. Воздуха ласка...» .....
 Скагвей. Аляска .....
 « Спасибо, Аляска, за щедрый подарок...» .....
 « Я, она, квартира, спальня...» .....
 « Жизнь ничему не научила...» .....
 « Разгадать секрет любви...» .....
 « Все бывает. Случится. Стрясется...» .....
 « Былое быстро обратилось в тень...» .....
 « Ни надежды, ни пониманья ...» .....
 Дорога на Кольский .....
 Полночь .....
 Хабозеро .....
 « Церковное таинство белых ночей...» .....
 « Мокрый лист прилипает к стволу ...» .....
 « Ржавой влагой покрыты еще ...» .....
 Мое лето .....
 « С тобою было холодно в июле...» .....
 « Когда уезжали близкие ...» .....
 Первый ноябрь в Америке .....
 « Вот дождем над Анн Арбором брызнуло ...» .....
 « К добру путь крут и труден...» .....
 « Аэропортов разводные мосты...» .....
 « Хочешь—радуйся, хочешь – жалуйся...» .....
 « И зачем мне в юность снова ...» .....
 В Нью Йорке .....
 Бабье лето в Мичигане .....
 « Мичиганская погода: в день десятков перемен...» .....
 « Листва, опавшая вчера ...» .....
 Нарцисс .....
 Пора детских игр .....
 Бесонница .....
 Кафе в Тель – Авиве .....
 О вождях .....
 « Государи – императоры, государи – президенты...» .....
 « Не Боги плохи – плохи люди...» .....
 Фанатики .....

Кладбища Гулага .....
 Пятого марта 2003 года .....
 « Думали, все в жизни изменяется...» .....
 Сказочка .....
 « Надувных китов хватило...» .....
 « Придет когда – нибудь мгновенье...» .....
 « В час, когда все менялось, трещало...» .....
 « За нужное и за ненужное...» .....
 « Песочные замки разрушены были ...» .....
 « В эпоху власти жесткой, беспощадной...» .....
 « Мы платили за то, что было...» .....
 « Я все хожу, как лошадь цирковая...» .....
 « От момента зачатия, когда ручеек ...» .....
 « Подержу в руке синицу...» .....
 « Я жил уже не раз на свете ...» .....
 « Любовь берет нас под руку упрямо...» .....
 « Я не был юным стариком и мог ...» .....
 Встреча .....
 « Хочешь, отдам я тебе все сразу...» .....
 Городские фонари .....
 « Все прошлое тумана молоком...» .....
 Весенняя песня .....
 « За радугу, как за рычаг...» .....
 « Пусть будет утренно, тепло...» .....
 Зброшенный парк .....
 « Засоряя улицы листвою ...» .....
 « Одинокой ярко-красной веткой...» .....
 Ноябрьские воспоминания .....
 « Не огни во тьме катаются...» .....
 « Звезда укажет путь заблудшему...» .....
 Идет форель .....
 После долгой разлуки .....
 Песенка .....
 « Отгаданы на сорванных ромашках...» .....
 « И вновь, и вновь кладу я на весы ...» .....
 « Где от счастья молодость сияет ...» .....
 « Худо ль на душе, легко ли ...» .....
 « Уходя, уйти не получается ...» .....
 « Дом заселить – себя переиначить...» .....

На том берегу .....
 « Бургундское вино развеселит немного... » .....
 « Моих воспоминаний грубый сруб... » .....
 « От юных безрассудств – к рассудочности зрелой » ..
 « Пока есть что любить, кого любить... » .....
 « Ждал тепла давным-давно... » .....
 Март .....
 Май .....
 Июль .....
 Заката догорел костер .....
 « Приучен не ныть, не сдаваться .. » .....
 « Всех печалей судьбе не избыть... » .....
 « Какие достойные женщины... » .....
 « Признаюсь тебе... » .....
 « Вино – еще не кровь ... » .....
 « Интересно, кто кажется внучкам старше... » .....
 « Откушав от первого и от второго... » .....
 « Уже под семьдесят, а до сих пор... » .....
 Жизнь по талонам .....
 « Вчера. Сегодня. Завтра... » .....
 « Было: било, мяло, жгло... » .....
 « Нам не сбежать от бед... » .....
 « Прозреть. Понять. Осмыслить суть... » .....
 « Наконец-то. Руки потираю... » .....
 Светлячки .....
 « Цена настоящему станет известна... » .....
 « Во Флориде, под Новый год... » .....
 « В мире, где меня не ждут... » .....
 « Я так старался в наше время жесткое... » .....
 « Дорога не проста от самого порога... » .....
 « Пока Добро не отвечает Злу... » .....
 « Под сосной ли, под березой... » .....
 « Не утомлен, не измучен... » .....
 « Мы и в Минске -то жить не умели... » .....
 « Мой Бог, в моей прекрасной жизни... » .....
 « Как жили, как живут, как будут жить... » .....
 Светотени .....
 Умные советы. Вместо эпилога .....

О Б А В Т О Р Е

Борис Ганкин родился в Гомеле в 1936 году. После войны и возвращения отца из армии семья переехала в Минск, где автор жил до переезда в США в начале 1996 года.

Окончил Белорусский Технологический институт, до отъезда работал в Минске главным конструктором в одном из конструкторских бюро. Автор пятидесяти изобретений.

Стихи Бориса Ганкина и переводы с белорусского широко печатались в альманахах, журналах и газетах Белоруссии и Москвы. В 1972 году вышла в свет первая книга поэта “Восхождение”. В последующие годы в Минске вышли еще шесть книг поэта.

После отъезда в США живет в городе Анн Арбор, знаменитом своим Мичиганским Университетом, при котором долгое время работало широко известное русское издательство « Ардис », где были напечатаны многие книги русских писателей-эмигрантов и диссидентов.

В 2000 году в Детройте вышла новая книга поэта. Борис Ганкин много печатается в русской американской печати. Стал победителем и лауреатом нескольких престижных международных поэтических конкурсов.

В 2002 году в Минске вышла девятая книга поэта “ Сказочная роль”, тепло встреченная читателями в Минске и США.

В новую книгу поэта “ Одуванчиковой порой “ вошли, в основном, стихотворения поэта, написанные в последние годы.

Сохранив теплоту и лиричность, автор расширил темы своих стихотворений. Любовь к людям, тревога за будущее, воспоминания о прожитом и мечты о грядущем переплелись, создав новый колорит поэзии Бориса Ганкина. После поездки на родину и встреч с друзьями и читателями написаны стихи-раздумья, украсившие книгу.